

30 октября 2013 №112

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

ВОЛГОГРАДСКАЯ БИТВА В ГОЛОВАХ

В связи с 70-летием Сталинградской битвы в обществе возобновилась дискуссия по поводу возможного переименования Волгограда в Сталинград. Предложение вице-преьера Дмитрия Рогозина, спикера Совета Федерации Валентины Матвиенко и главы ЦИКа Владимира Чурова обсудить вопрос о переименовании на городском референдуме не получило официальной поддержки. Пресс-секретарь главы государства Дмитрий Песков заявил, что в Кремле такой вопрос вообще не стоит в повестке дня.

Однако тема актуализации имени Сталина постоянно витает в воздухе. Например, ко Дню защитника Отечества в Екатеринбурге вышли на линию несколько автобусов с изображением Сталина — «сталинобусы», о которых «30 октября» писала в № 109. О том, что же на самом деле стоит за идеей возрождения имени Сталина, и о подмене понятий в «30 октября» написал председатель Воронежского «Мемориала» Вячеслав Битюцкий.

Имя Сталинград было дано уездному городу Царицыну в 1925 г., когда началась раздача имен деятелей революции и Гражданской войны городам и весям. Этот город получил свое новое название в соответствии с той оценкой заслуг Сталина, которую ему дала советская власть на тот момент. И эти заслуги никак не могли быть связаны с его последующей государственной и военной деятельностью и победой наших войск в Сталинградской битве.

Не будем спорить о том, справедлива ли была историческая оценка при раздаче этих имен городам в советские времена. Мы знаем, что среди них были имена Троцкого и Зиновьева, и даже Ежова. Подчеркнем только, что Царицын был переименован не в честь битвы, которая произошла в этом городе в 1942–1943 гг., и не в связи с заслугами Сталина в этой великой битве.

Поэтому, когда в 1961 г. была дана, на мой взгляд, более объективная оценка деятельности Сталина как политического руководителя нашей страны в течение всего времени его руководства страной и его роли в Великой Отечественной войне, то встал вопрос, достоин ли именовать этот город по-прежнему, то есть так, как он был назван в 1920-х гг. Заметим, что в это время были живы и те, кто пережил годы сталинского террора, и участники Отечественной войны, видевшие все наши победы и поражения своими глазами. Были живы даже те, кто давал новое имя городу в 1925 г. Но времена изменились. Были приоткрыты архивы, позволившие полнее охарактеризовать деятельность Сталина. Появились серьезные исторические исследования и публикации всего после-сталинского периода, связанные с реабилитацией жертв политических репрессий. Появились признаки крушения сталинской системы управления. Даже по тем ма-

Окончание на с. 3 >

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ ВЕЛИКОГО ГУМАНИСТА XX ВЕКА

15 февраля в Москве состоялось открытие мемориальной квартиры А.Д.Сахарова, созданной на народные средства. Это место стало последним пристанищем ученого-ядерщика, посвятившего свою жизнь решению проблем прав человека в Советской России. Интерьер, личные вещи, мебель, книги — все родом из 1980-х, минимализм той эпохи, когда каждая вещь несла определенную функцию и имела особое предназначение в деятельности Сахарова. Открытие приурочено к 90-летию со дня рождения его жены Елены Георгиевны Боннэр.

Каждый человек связан с событиями, происходившими с ним и вокруг него, с предметами, которые его окружают; с запахами; с воспоминаниями, которые запечатлены на фотографиях, — одним словом, со всем тем, что его окружает при жизни.

Историю квартиры № 61 в доме 48Б по улице Земляной Вал по пути на открытие мемориальной квартиры рассказала координатор экспозиционной и выставочной деятельности Сахаровского центра Наталья Самовер.

Квартира № 68 немедленно стала центром бурной политической и общественной жизни перестроенной Москвы. В 1987 г. академику Сахарову была выделена отдельная жилплощадь — квартира № 61 в том же доме.

«Этой квартире суждено было стать убежищем, местом, где он работал над своими последними публицистическими текстами и научными трудами, отдыхал и собирался с силами. Там никто не беспокоил его — об этом заботилась Елена Георгиевна. Буквально

Андрей Дмитриевич Сахаров впервые появился в этом доме в 1971 г. «Здесь, в квартире № 68, он поселился с женой Еленой Боннэр в квартире ее матери Руфи Григорьевны. Это было место их счастливой семейной жизни и их совместной общественной деятельности. Отсюда Сахаров отправился в горьковскую ссылку в январе 1980 г. Академику даже не дали собрать личные вещи. Вскоре к мужу присоединилась и Елена Боннэр. Прожив в Горьком в квартире, заполненной прослушивающими устройствами, под непрерывным наблюдением сотрудников КГБ долгих 6 лет, они, наконец, вернулись в декабре 1986 г. в Москву. Приехали на старое место, но уже в новую эпоху для страны», — рассказывает Наталья Самовер.

за несколько часов до смерти 14 декабря 1989 г. Андрей Дмитриевич Сахаров дал свое последнее интервью журналистам из Казахстана. Вечером его не стало...» — завершила рассказ Наталья Самовер об истории квартиры № 61, добавив, что «с тех пор время здесь как бы остановилось и ждало своего часа больше 20 лет».

За это время, отмечает координатор экспозиционной и выставочной деятельности, в 1994 г. в соседней, 62-й, квартире открылся архив Сахарова, хранилище подлинных сахаровских рукописей и личных вещей. А в 2001 г. при архиве открылась для посетителей музейная экспозиция, посвященная А.Д.Сахарову.

«Замысел создания музейного пространства в квартире № 61 принадлежит заведующей архивом Сахарова Бэле Хасановне Коваль и

дизайнеру-экспозиционеру Юрию Решетникову. Он же создал концепцию экспозиции, включающей аудиовизуальную инсталляцию», — рассказала Наталья Самовер, и мы наконец дошли до деревянной двери мемориальной квартиры Андрея Сахарова.

Личное пространство Андрея Сахарова

Оказавшись внутри квартиры № 61, понимаешь, в чем разница между музеем личных вещей и замыслов авторов данного проекта. Если в музее ценности статичны, то в мемориальной квартире создается эффект присутствия: личные вещи Андрея Сахарова не экспонаты, а предметы, которые продолжают нести свою службу.

Первое, что бросается в глаза, когда попадаешь в квартиру, — это огромное количество книг в коридоре. Личные вещи академика ты узнаешь, разглядывая фотографии, где он, например, идет скорым шагом на рынок, держа в руках вот эти самые две корзины. Или письменный стол со свечильником советского образца, за которым Сахаров пролежал, работая, не одну ночь напролет.

В НОМЕРЕ:

РЫЧАГ ПРОТИВ РАССЕНРЕЧИВАНИЯ АРХИВОВ

с. 3

СЛЕДСТВИЕ. ГОД 70-й И СТАТЬЯ 70-Я

с. 4

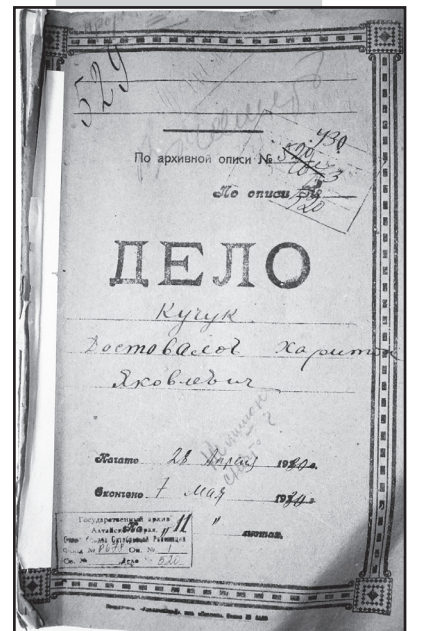
СТРАСТИ ПО КРЕСТУ

с. 10

БЫЛ КРЕСТЬЯНИН, СТАЛ КУЛАК

Стрежевчанин Федор Шабанов — один из тех людей, которые готовы часами просиживать в Госархив, отыскивая и изучая архивные документы, даже пройти не через одну судебную тяжбу, чтобы получить доступ к этим документам. О судьбе прадеда, Харитона Яковлевича Достовалова, Федор Анатольевич написал для «30 октября».

На снимке: обложка «дела» Харитона Достовалова

Продолжение на с. 11 >

Окончание на с. 2 >

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

➤ Окончание. Начало на с. 1

ное дело, собрав на реставрацию и открытие квартиры 753 пожертвования, на общую сумму более 1,5 миллиона рублей. На эти средства был сделан ремонт и создана экспозиция. Газета «30 октября» в № 101, 102, 106, 107 подробно писала о том, как проходила кампания, организованная Информационным агентством «Мемо.Ру», по сбору средств — от возникновения самой идеи до ре-

По словам Ростислава, посещение мемориальной квартиры Сахарова дает возможность не только войти в личное пространство, окружавшее его, но ощутить переход повседневной жизни в историю, осознать собственный опыт как часть исторического процесса. Он также отметил, что в данном случае было большой удачей, что в квартире сохранились почти все предметы прижизненной обстановки, многие личные вещи Андрея Сахарова:

пругов. «После августа 1971 г. наши с Люсей жизненные пути слились, дальше о них можно рассказывать вместе... Начиналась жизнь, каждый год которой, как мы говорим между собой, надо зачислять за три», — говорил сам Андрей Дмитриевич.

Эмоциональной кульминацией стало выступление Сахарова на Съезде народных депутатов СССР, показанное в режиме прямой трансляции на всю страну: 5 минут по регламенту, в которые физически не укладывается Сахаров со своей исторической речью, завершающаяся выкриками Анатолия Лукьянова и Михаила Горбачева.

Затем — тишина. Елена Боннэр одна с фотографией мужа. Свет в комнате включается.

Художница Дарья Решетникова отметила, что просмотренный сеанс «Одно московское окно» с использованием современных аудиовизуальных систем был сложной и кропотливой работой.

«Легче было снять видеофильм о жизни Андрея Дмитриевича на цифровую камеру, но такая инсталляция выбивалась бы из интерьера 1980-х гг., когда не было известной сейчас техники. Согласно идее, видеослайды должны были стать продолжением интерьерной композиции, раскрыть ее для посетителей музея в контексте видео- и звукового комментария», — рассказала Дарья Решетникова.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ
ВЕЛИКОГО ГУМАНИСТА XX ВЕКА

зультата. У входа в квартиру над дверью висит табличка со словами благодарности в адрес людей и организаций, оказавших посильную помощь в создании мемориальной квартиры.

«Мемориальная квартира Сахарова создана на пожертвования, собранные Сахаровским движением при поддержке информационного агентства Мемо.Ру», — говорится в тексте благодарности, где перечисляются фамилии жертвователей средств.

По словам Сергея Лукашевского, «необычайно важно, что мемориальную квартиру создали мы с вами».

«Это свидетельство живой памяти о борьбе за свободу и уважение личного достоинства каждого человека, которой посвятили себя академик Сахаров и советские диссиденты», — отмечает директор Сахаровского центра.

Заведующая архивом Сахарова Бэла Хасановна Коваль говорит, что «это редкий пример музейфикации памяти о совсем недавнем прошлом» и предлагает ощутить атмосферу 1980-х гг.

Подобных воссозданных мемориальных пространств не много. Есть комната Владимира Маяковского на Лубянке, а также музейная инсталляция мемориальных комнат, где жил и скончался Николай Гоголь.

Художник Дарья Решетникова воплотила в жизнь экспозицию, включающую аудиовизуальную инсталляцию, созданную дизайнером-экспозиционером Юрием Решетниковым. «Перед нами стояла задача не просто сохранить пространство мемориальной квартиры, но и сделать такой рассказ, который помог бы заинтересованным людям почувствовать и проникнуть в мир Андрея Дмитриевича и Елены Георгиевны. Содержание делится на две части. Одна часть — это исторический контекст, без которого картина не была бы полной. Вторая — аккуратный и сдержанный рассказ об отношениях двух людей с момента знакомства до конца», — поделилась Дарья Решетникова. Ее поддержал главный инженер проекта Ростислав Борисович Ростиславов.

«В квартире предметы и интерьер подлинные, без отсебятины и художественного домисливания».

Жанр, в котором создано мемориальное пространство квартиры № 61, — это музейный сеанс, построенный на строго документальной основе, где главный экспонат мемориальной экспозиции — предметная среда, интерьер, воссозданный в подлинном пространстве.

Аудиовизуальная инсталляция, продолжающаяся около 10 минут, погружает присутствующих в события жизни Андрея Сахарова и Елены Боннэр. Фотографии — черно-белые, потертые от времени, — сменяют одну за другой.

Одно московское окно

Внезапно для посетителей в комнате-кабинете, одновременно служившей спальней академика Сахарова, гаснет свет. В полумраке доносятся знакомые многим с детства позывные радио «Маяк» и Гимн Советского Союза. За экраном, временной занавесью перекрывшим настоящее, проносятся облака и гуляет легкий ветер над деревьями и домами — теми самыми, которые видел из своего окна Андрей Сахаров в конце 1980-х.

Наиболее трогательными выглядят совместные фотографии су-

По ее словам, видеоряд был снят на старую рулонную пленку, с модернизацией технологии тех годов. Данная техника представления истории позволяет зрителю каждый кадр рассматривать отдельно.

«В итоге получилось тихое пошелкивание проектора-фильмоскопа и яркий луч, превращающий стену в экран, на котором сменяют друг друга цветные картинки, плюс звуковое сопровождение», — пояснила художница.

Следить за новостями новой мемориальной квартиры можно на сайте saharov-center.ru, публичная отчетность по тратам, а также этапам кампании доступна на сайте saharov-today.ru.

Посетить мемориальную квартиру А.Д.Сахарова может любой желающий бесплатно, в любой будний день с 11.00 до 19.00 предварительно договорившись по телефону (495) 916-24-80. Адрес квартиры: Москва, ул. Земляной Вал, д. 48Б, кв. № 61.

Карина ГАДЖИЕВА,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимках: личные вещи А.Д.Сахарова из экспозиции мемориальной квартиры. Фото автора

Напомним: о смерти Сталина было объявлено 5 марта 1953 г. Официальная причина — инсульт.

Похороны Сталина проходили с большой pompой. Толпы людей пришли проститься с погибшим диктатором. Результатом страшной давки на Трубной площади стали сотни жертв. Точное число жертв так и осталось неизвестным.

Юрий Фидельгольц в это время был на Колыме. «Вообще, это глухомань такая, где я находился, в Усть-Нере, в Алескитово. Зажатое сопками место, тупик сплошной. Но радио все время гремело со стороны вольного рабочего поселка. И что сообщали, мы все слышали».

ПОХОРОНЫ СТАЛИНА

Среди событий нашей истории XX века смерть и похороны Сталина — одно из знаковых. В архиве «Мемориала» хранятся записи воспоминаний людей о начале марта 1953 г., таким же воспоминаниям посвящен новый-волонтерский проект 050353.ru. Эти свидетельства имеют разный эмоциональный заряд, но память людей, кому сейчас за 70, хранит воспоминания, связанные со смертью Сталина, как будто это было вчера, что говорит о значимости этого события в сознании людей.

Нас тогда заперли в бараках в это время на 2 дня. Я не сказал бы, что все плясали и кричали «Смерть гаду!» или «Вот как хорошо». Никто не рыдал, но никто и не плясал. Я не видел, чтобы кто-то рвал на себе рубаху и плясал четку или кричал «Подох!». Наоборот. Были разговоры, осторожные очень разговоры, в основном между старыми партийцами, которых считали троцкистами, о том, что это значит: «Ну, а кто там? Хрущ? А кто еще? А может, Берия?» Вот эти разговоры были, и они шли в очень деликатной, осторожной форме друг с другом. Все ждали.

Мы очень боялись самоуправления военных, что они по злобе могут сделать что угодно с заключенными».

Марк Нейфельд в это время был в Биробиджане. «Там были уже бараки построены — все уже готовилось к массовому выселению евреев. И хотя я не плакал, но для меня это отец ушел, родной отец... К сожалению, я в Сталина верил. Искренне верил».

Мириам Левина была с семьей в ссылке, но помнит, что само имя Сталина вызывало трепет: «Вся школа рыдала. Нас собрали, прочитали «Павлика Морозова». Мы все обрыдались, и всех распустили по домам».

Мириам рассказала, что у них дома вокруг приемника собирались все ссыльные и под траурную музыку танцевали вприсядку. И она с ними. «Потом шептались по комнатам о том, что, может, скоро будет реабилитация, может, наконец, домой вернемся. Я это, конечно, радостно ждала и очень легко переклонила со всесоюзного страдания на мелкую частнособственническую радость».

Татьяна Левченко заканчивала институт, и три-четыре дня до смерти она с друзьями собиралась и ждала, что сейчас сообщат. Потом, когда пришло известие о смерти, все студенты собрались в институте. По воспоминаниям Татьяны, никаких рыданий, никаких слез не было. Просто все были растеряны и у каждого в голове: «Что будет дальше?» Дома к новости отнеслись так же: «Что будет дальше?»

Лидия Николаева была на Трубной площади. Ей повезло, что не затоптали. Она рассказала, что в группе были в основном мужчины и две или три девочки, они как-то сумели встать плотным кругом и к утру дошли почти до Колонного зала. «Мы лезли через какие-то машины, пройти просто было нельзя. Никакого, конечно, прощания, ничего этого в наших головах, помоему, не было. Но был спортивный азарт: дойти до Колонного зала. Тогда в районе Петровки, с левой стороны, если от Пушкинской смотреть, были какие-то заборы, дворы, и мы все время там пролежали, сами улицы-то были перего-

рожены. И вот мы доползли до этого Дома Союзов. К утру, по-моему, нам это надоело. Мы подошли к этому Дому Союзов, а оттуда... разежались по домам».

Татьяна Галкина рассказывает, что, когда Сталин еще заболел, ее мама была в напряжении, в ожидании. Все в доме говорило очень тихо.

Когда сообщили о смерти, сосед Иван Васильевич Иванов пришел к маме Татьяны, бросился к ней и стал рыдать. «И я видела мамино выражение лица поверх его головы. Он рыдает, а она так говорит: «Будем жить, будем жить», а у самой такое выражение — «Господи, о чем это он?» Потому что у нее-то

совсем другие чувства были».

Татьяна вспоминает, что подумала: «ну ведь хуже не будет. Будет просто меньше смертей».

А потом Татьяна с мамой все-таки решили пойти на эти похороны — такое историческое событие! «Через Каменный мост хотели уже идти, но увидели, что идет такое невероятное количество народа, что мама сказала: «Знаешь, это событие, конечно, историческое, но жизнь дороже. Мне не нравится это». Я говорю: «Мамочка, все-таки событие историческое». Она говорит: «Нет. Достаточно с нас исторических событий. Поехали домой».

Ольга Чупрун была студенткой и училась в Энергетическом институте. Она вспоминает, как с компанией своих друзей пошла на похороны: «Мы начали спускаться от Лубянки, пошли за всеми. Нас завернули в сторону бульваров, пошли по бульварам вниз, спустились к Трубной. Народ странно себя вел: люди анекдоты рассказывали, я не видела слез и рыданий. Кто-то, конечно, был мрачный и подавленный, но в целом люди — как и во всякой толпе».

Ольга попала в самое сложное место — на Рождественском бульваре, где крутой спуск к Трубной площади. «Чувствуем, что там все уплотняется, уплотняется. Нас же пихают сзади, то есть уже выбраться в сторону проблематично, и все говорят: ничего, пройдем, там просто медленно пускают. Доходим до Трубной, а кругом стоят машины, солдаты стоят. Машины бортами плотно поставлены друг к другу, почти не проскользнешь. И вдруг меня толкнули на наклонный бортик у тротуара. Я зацепилась и упала. И по мне пошли люди. Мой друг Витя ничего сделать не мог, не мог меня вытащить из этой каши. Уже люди прыгали, об меня спотыкались. И меня спас солдатик возле этой машины, он меня выволок».

Вернувшись в общежитие, Ольга и Витя узнали, что двоих из их общежития — мальчика и девочку — задавили насмерть. «На следующий день все рассказывали, как там брошенная была обувь, очки, шляпы, одежда разная, все это потом собирали с этой площади. Уж про количество погибших никто тогда не говорил».

Ольга Цыбульская заканчивала школу. Она вспоминает, что сестра рыдала, а ее муж убеждал: «Ира, что ты делаешь? Умер кровопийца, который искалечил всю тебе жизнь, он же уничтожил твоего отца, он же испортил жизнь матери твоей». Она: «Володя, прекрати, я не буду с тобой разговаривать, такое Сталин никогда не мог бы сделать, никогда». Ольга была уверена, что для нее солнце зашло: «Для меня Сталин — как икона был».

По материалам архива НИПЦ «Мемориал»

ВОЛГОГРАДСКАЯ БИТВА В ГОЛОВАХ

➤ Окончание. Начало на с. 1

териалам, которые были изучены на тот момент, решение коммунистической партии о переименовании Сталинграда в Волгоград уже было в значительной степени обожено.

Конъюнктурные знаки

Была ли в этих решениях политическая конъюнктура? Конечно, была! Но разве в сегодняшних предложениях об обратном переименовании Волгограда она не видна? Сталин, сталинизм, сталинщина, построенный им социализм, наконец, — это символы целой эпохи в формировании нашего государства. Эпохи, к которой всегда будет обращен взгляд политиков и нашего общества в целом. И политической конъюнктуры здесь не избежать. Важным в этом отношении является то, что исторически свершился отказ России от сталинской системы тоталитарного социализма. Переименовывать теперь Волгоград в город Сталина — это значит отказать от политики десталинизации, показать и себе и миру, что демократический путь постсоветского периода, включая радикальные реформы 1990-х гг., нам не под силу и мы готовы вернуться на прежний путь — на путь построения или восстановления тоталитарного государства. Ведь Сталин был творцом всего — и экономики, и политики, и вооруженных сил — всей системы советского социализма.

Некоторым не нравится само наименование города — Волгоград. Это уж совсем дело вкуса. Я считаю, что вполне нормальное наименование, соответствующее географическому положению города. Конечно, лучше бы было вернуть название Царицыно, что сохраняло бы историческую преемственность в топонимике. Но подчеркиваю, не этим озабочены люди, которые сейчас хотят осуществить переименование.

Скрытые желания

А чего они, собственно, хотят? Вполне допускаю, что эти люди, действительно, по своим убеждениям предпочитают тоталитарное общество открытому обществу, а сле-

довательно, стремятся к восстановлению тоталитарной сталинской системы. И переименование Волгограда в Сталинград они хотели бы зафиксировать как некий свой успех на пути к утверждению тоталитарного общества в России. Соответствующим референдумом для них было бы желательным на этом примере показать, что не только они, но и народное большинство желает того же. Тем самым появится возможность определить давление и на политику государства в вопросах нашего дальнейшего общественного развития.

Подобный прием я считаю просто шулерским. Вопрос общественного развития в России должен решаться не в рассуждениях о топонимике и о роли Сталина в Отечественной войне и в Сталинградской битве в частности. Он должен решаться на основе глубокого изучения опыта исторического развития всего человечества и России в частности. И здесь к услугам граждан и история, и социология, и философия, и экономические и политические науки.

Если же кому-то хочется указывать путь России, не прибегая к премудростям этих наук, то для начала я посоветовал бы им почитать книги, помогающие понять, чем открытое общество отличается от тоталитарного и чем заканчивается обычно судьба тоталитарных систем (и сталинская система здесь не исключение).

О роли личности в истории

Но главный козырь сторонников переименования — выдающаяся роль

Сталина в Великой Отечественной войне и победе. При этом неоспоримостью величия этой роли принимается за аксиому.

Роль эта, несомненно, огромна. И никто не намерен выбрасывать имя Сталина из истории, как это пытаются представить сторонники переименования. Но она не столь однозначна как при оценках внешней политики Сталина в предвоенные годы, так и при оценке роли репрессивной внутренней политики 1930-х гг.

История войны продолжает изучаться историками и военными специалистами, огромное количество архивных материалов не изучено до сих пор, и давать общую положительную оценку роли Сталина в Отечественной войне сейчас, я думаю, даже по этой причине нет оснований.

Разноречивых оценок историков о союзе Сталина с Гитлером (пакте Молотов-Риббентроп) и об уничтожении Сталиным командных кадров Красной армии достаточно много. Но есть и более «потаенная» тема. Мне представляется мало исследованным вопрос о том, в каком чудовищном состоянии Сталин привел страну к Отечественной войне с точки зрения человеческого фактора. Ведь невозможно скрыть, что огромное количество людей не хотели воевать за свою родину именно потому, что во главе ее стоял товарищ Сталин. Я уж не говорю о дезертирстве и случаях прямого перехода на сторону врага.

Простой трусостью и военными ошибками руководства этого не объяснить. И отбросить причины,

связанные с политикой Сталина по отношению к крестьянству, с раскулачиванием, коллективизацией и повальным голодомором мы едва ли вправе. Этот фактор, хотя и не единственный, но очень существенный, практически еще не исследован. Поэтому до полного исследования этих вопросов истории Отечественной войны нельзя останавливаться на той оценке сталинского руководства войной и подготовки к ней, которую мы сейчас имеем. По моему мнению, заботясь, и не без успеха, об организации и вооружении армии, Сталин, тем не менее, поставил страну на грань чудовищного краха.

А был он лишь солдат...

Я не верю в желание солдата отдавать жизнь за то, что он видел и пережил в сталинских 1930-х гг. И примеры героев-одиночек, добровольцев-ополченцев меня в этом не переубедят. Я не верю, что абстрактный для нашего крестьянина фашизм в первые дни и месяцы войны был страшнее сталинского социализма. А армия-то была все-таки в массе своей крестьянская. Что он мог представить себе, услышав газетное слово «фашист»? То, что фашисты уничтожают евреев и коммунистов? И это страшнее, чем собственная голодная смерть в сталинской деревне? И за них надо отдавать жизнь?

Посмотрите на возраст тех, кто должен был воевать в Красной армии в первые дни войны — это как раз те, которые подросли до призывного возраста во времена кол-

лективизации и голода. Им еще нужна была огромная психологическая перестройка, чтобы понять, что ничего хорошего от Гитлера ждать не приходится. Что чужой Хозяин с маленькими усиками не лучше своего Хозяина с большими усиками. Надо было увидеть воочию, что такое фашистская оккупация, чтобы начать защищать свою землю не от газетного, а от настоящего врага. И надо в полной мере оценить, перед каким выбором поставила сталинская репрессивная политика этих людей, а вместе с этим нашу страну на грань катастрофы.

Этот психологический фактор уже подмечен некоторыми историками, но он не исследован. Он болезнен и для исследователей, и для самого народа. Ведь после победы каждому хочется вписать в нее свое имя, объявив себя героем, который в первую минуту войны победил в военкомат, взял винтовку и бросился на проклятых фашистов.

Были герои и в первых боях, несомненно. Но когда я читаю о защитниках Брестской крепости, о героизме этих нескольких десятков человек, то я не могу не задать вопроса: а почему же их только несколько десятков? Это что, выброшенный в тыл врага десант, окруженный фашистами? А где те дивизии, которые только что были рядом? Куда же они ушли и почему они ушли?

Говорить правду о героях, умалчивать о тех, которые не оказались рядом с этими героическими трагически погибавшими людьми, и не вскрывать причин такого странного обстоятельства с научно-исторической точки зрения представляется неверным.

Когда в полной мере откроются архивы и мы сможем оценить роль Сталина в войне во всех ее аспектах, тогда и будем решать, достойно ли его имя нанесено на карту нашей родины.

В Париже есть улица Сталинграда. Это, опять же, не в честь города, названного в 1925 г. именем Сталина, а в честь Сталинградской битвы — великой битвы Великой мировой войны.

Сталин останется в истории вечной. И героическая Сталинградская битва останется в истории навечно Сталинградской битвой. Но для этого не требуется переименовывать Волгоград в Сталинград.

Фото из архива Музея-заповедника «Сталинградская битва»

РЫЧАГ ПРОТИВ РАССЕКРЕЧИВАНИЯ АРХИВОВ

В начале января Конституционный суд опубликовал текст определения по жалобе заместителя председателя НИПЦ «Мемориал» историка Никиты Петрова.

Как рассказал газете «30 октября» сам Н.Петров, он обратился в Конституционный суд после нескольких судебных процессов, на которых он добивался от Центрального архива ФСБ выполнения ст. 13 Закона о гостайне, согласно которой предельный срок засекречивания документов составляет 30 лет (документов разведки — 50 лет).

«Мы добивались, чтобы ЦА ФСБ рассекретил некоторые приказы МГБ послевоенного периода. Однако и Мосгорсуд, и Судебная коллегия по административным делам, и Верховный суд, куда мы обратились как в кассационную инстанцию, взяли за основу позицию юристов ФСБ.

Они говорили следующее. Закон о гостайне был принят в 1993 г. и обратной силы не имеет. Значит, относится он только к документам, созданным после 1993 г., а что касается остального массива документов, то их рассекречивание есть право, но не обязанность федеральных органов.

Поэтому нам пришлось обратиться в Конституционный суд за толкованием закона о гостайне, чтобы понять — распространяется ли он на весь массив документов, хранящихся в государственных и ведомственных архивах, или же нет», — отметил заместитель председателя НИПЦ «Мемориал».

Формально КС отказался принимать жалобу Н.Петрова к рассмотрению как не отвечающую критериям допустимости. Однако в своем определении КС постановил, что по буквальному смыслу части 4 статьи 13 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» 30-летний срок засекречивания подлежит применению в отношении сведений, отнесенных к государственной тайне не как до, так и после вступления в силу данного закона.

Судьи также указали, что статья 13 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» гарантирует гражданам право обратиться в органы государственной власти, на предприятия, в учреждения, организации, в том числе в государственные архивы, с запросом о рассекречивании сведений, отнесенных к государственной тайне, и определяет обязанности организаций и учреждений по исполнению такого запроса и их ответствен-

ность за уклонение от его рассмотрения.

Обоснованность отнесения сведений к гостайне может быть обжалована в суде, а при признании судом необоснованности засекречивания эти сведения подлежат рассекречиванию в установленном данным законом порядке.

Как подчеркнул Никита Петров в интервью корреспонденту «30 октября», четкое определение КС крайне важно для продолжения процесса масштабного рассекречивания архивных документов.

«В советские времена документы засекречивали бессрочно — просто ставили гриф «секретно», «совершенно секретно», «особой важности». А теперь Конституционный суд четко определил, что максимальный срок для засекречивания — 30 лет либо нужно продлять через Межведомственную комиссию по рассекречиванию», — сказал он.

По оценке историка, проблема нерассекреченных документов приобрела огромные масштабы. «В архивах лежит огромное количество дел старше 1983 г., которые до сих пор не рассекречены. А эксперты по рассекречиванию, которые есть в госархивах, работают по неким планам, составляемым Росархивом, явно расходящимися с масштабами проблемы.

Фактически можно сказать, что вся архивная сфера делает вид, что статьи 13 Закона о государственной тайне не существует и работает по принципу «когда руки дойдут, тогда и рассекретим». Хотя в статье четко говорится, что носители сведений, составляющих государственную тайну, рассекречиваются не позднее сроков, установленных при их засекречивании.

Таким образом получается, что закон не работает потому, что архивное ведомство его саботирует», — отмечает он.

При этом не рассекреченными остаются даже материалы, связанные с репрессиями более позднего времени, хотя статья 7 Закона о гостайне четко говорит о том, что сведения о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина и о фактах нарушения законности органами государственной власти и их должностными лицами не подлежат отнесению к государственной тайне и засекречиванию, а должностные лица, пытающиеся сделать это, несут уголовную, административную или дисциплинарную ответственность в зависимости от причиненного обществу, государству и гражданам материального и морального ущерба.

Как отметил Никита Петров, определение Конституционного

суда дает в руки исследователям оружие для борьбы с необоснованным засекречиванием. Но оно может сработать лишь в случае, если сами исследователи начнут в массовом порядке обращаться в архивы с требованием рассекретить тот или иной комплекс документов, срок секретности которого истек.

Благодаря определению КС, теперь можно обращаться в архивы с требованием рассекретить те или иные документы возрастом старше 1983 г. либо с требованием четко объяснить, на каком основании продлен срок засекречивания, согласно Закону о гостайне.

«Само по себе постановление КС не является документом прямого действия, оно не предписывает государству сделать то-то и то-то. Но оно дает мощный рычаг против демагогических заявлений руководства архивов: «у нас нет сил», «у нас нет средств», «у нас не дошли руки». Не может быть оправданий, если речь идет о нарушении закона», — резюмировал Н.Петров.

Семен ЧАРНЫЙ,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

ИСТОРИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ

В 1968 г. историк и журналист Виталий Васильевич Помазов, автор работы «Государство и социализм», был организатором подпольного кружка, участвовал в распространении листовок с протестом против ввода войск в ЧССР, был исключен из ВЛКСМ, отчислен из Горьковского университета.

Виталий Васильевич подписывал письма в защиту С.А.Ковалева, А.И.Гинзбурга; был автором и распространителем Самиздата; участником альманахов «Проталина», «Прогулки в Варфоломеевскую ночь»; информатором бюллетеня «Хроника текущих событий». С 1973 по 1985 г. он участвовал в работе Фонда помощи политзаключенным, его вызывали на допросы, он получил «предупреждение» по «Указу» (в 1977 г.), не был допущен свидетелем защиты на процесс по делу Гинзбурга (1978 г.), был задержан и депортирован из Горького, где пытался посетить А.Д.Сахарова в день его шестидесятилетия. С 1970 по 1972 г. — политзаключенный.

Сейчас Виталий Помазов живет в Серпухове, преподает историю в филиале Международной академии бизнеса и управления в Протвино. Виталий Васильевич написал сборник воспоминаний «Духовный жаждою томим», которые потом вошли в книгу «В одной палате с ангелом». Сейчас он написал продолжение мемуаров — о своем аресте и судебном процессе. Главы из неопубликованной пока книги автор представил для читателей «30 октября».

торый станет моим следователем. Рассеченная губа придает ему вид матерого следака (или бандита). На подхвате сотрудники УКГБ «без особых примет» Шустанов и Киселев.

Хохлов бесцеремонно копается в письмах и читает их. Среди писем большая подборка посланий Надежды Жильцовой к Светлане Павленковой. Надежду распределили в Узбекистан, и она с большим юмором и сарказмом описывала местные нравы и свое положение училки неграмотных великовозрастных учеников, обучаемых сексуальными проблемами. Никакой крамолы в письмах нет, но противно, что они читаются чужими глазами.

Ссылаясь на ст. 171 УПК, я опротестовываю изъятие всех вещей. Заявляю: «Подобную выемку предметов считаю грубым нарушением Конституции Советского Союза, предоставляющей всем гражданам СССР свободу слова, печати. Считаю, что каждый советский человек имеет право устно и письменно выражать свои мнения и не может нести за это никакого наказания. Такое право предоставлено даже всем гражданам буржуазных государств».

Обыск, начавшийся в 13.20, заканчивается в 18 часов. Заканчивается довольно курьезно: один из понятых — сосед Иван Иванович Волков — сказался неграмотным (после 53 лет советской власти!), и за него ставит подпись другой понятый — Панов. (В 1968 г. обыск готовили основательнее — понятых привезли «своих» из верхней части

свив губу, внешне бесстрастно строит вопросы, а я односложно отвечаю. Как и на допросах в 1968 г., моя позиция неизменна: я готов сколько угодно дискутировать о своих взглядах, но по моральным соображениям называть лиц, кому я давал или у кого брал самиздат, в том числе «Государство и социализм», я не буду. Мне и в голову не приходило, что можно вести себя иначе. Назвался груздем — полезай в кузов. В конечном счете, эта моральная позиция оказалась и самой прагматичной.

Статья 70 официально была предъявлена 2 ноября, и все допросы с этого времени шли в присутствии прокурора Колесникова. Стуловатый, белесый Колесников — участник войны. Используя этот аргумент, пытается оказывать моральное давление. Я в ответ: «Вы ведь воевали с фашистами за свободу? Вот и я за нее».

Допрос протекает однообразно. Вопрос: Кто давал вам произведение так называемого самиздата?

Ответ: Отказываюсь отвечать по моральным соображениям.

Вопрос: Кто и на какой машинке печатал вашу антисоветскую работу «Государство и социализм»?

Ответ: Отказываюсь отвечать по моральным соображениям.

Вопрос: Кому вы давали читать вашу работу?

Ответ: Отказываюсь отвечать по моральным соображениям.

И т.д.

4 ноября в камере был произведен предпраздничный шмон, изъяты мои записки о ходе следствия. На очередном допросе я заявил,

шутил про себя: такие характеристики годятся для рекомендации в партию.

Но разве могли перевесить их показания такую, например, рецензию маститых идеологических работников:

«Рассуждая о новой революционной волне, автор приводит мысли о свержении в стране существующей строя. Об антисоветском, крайне враждебном нашему обществу характере этих взглядов не следует (!) писать подробно».

Зав. кафедрой философии Политехнического института к.ф.н. Суханов

Зав. кафедрой научного коммунизма Политехнического института к.и.н. Панкратов

Зав. кафедрой русского языка и литературы ВПШ к.ф.н. Гаранина».

Никаких дополнительных материалов против меня у свидетелей Хохлов не наскреб. От очных ставок с Хиловым и Гольдфарбом я благоразумно отказался: меня устраивали их далекие от истины варианты показаний.

И случилось почти невероятное: я выбил свидание с родителями. Во время следствия свиданий не дают, хотя такое право у следователя есть. Я завалил Хохлова заявлениями с требованием свидания, ссылаясь на УПК, декабристов, Чернышевского. Думаю, помогли не Чернышевский и призыв к милосердию, а чисто прагматические соображения. Хохлов просил родителей повлиять на меня («С ним совершенно невозможно разговаривать!» — жаловался он). Мать обещала.

20-минутное свидание состоялось в комнате свиданий. Через стекло и под надзором Хохлова. Вид родителей, сразу постаревших, осунувшихся, особенно матери, потряс меня, но только больше озлобил против КГБ. Ни мать, ни отец не уговаривали меня, а мой вид и состояние, как они говорили потом, их немного успокоил. Они рады были видеть меня живым и невредимым. Ведь в памяти у них был 37-й год.

Хохлову же свидание ничего не дало. Зато у него в руках находился главный козырь, который он выложил только в предпоследний день следствия. Это были показания Вали Юркиной, выданные у нее в КГБ, о попытке распространения мной «Государства и социализма» уже после возвращения из армии. Но и здесь я высмотрел зацепку:

вновь отпечатанных страниц работы при обыске не было найдено. Нужно было что-то придумать.

Мой адвокат — Пушкин

Следствие приблизилось к концу, и в записке к родителям — через следователя, естественно, — я просил для участия в деле пригласить одного из московских адвокатов, имеющих допуск к политическим делам. К этому времени уже были известны имена нескольких юристов, которые достаточно смело вели защиту своих подопечных. (Моему отцу один из доброжелателей с Воробьевки приватно тоже сказал: «Ищите хорошего адвоката. Вашему сыну дадут 7 лет».)

К сожалению, почти все они как раз в эти дни участвовали в знаменитом ленинградском «самолетном деле» Кузнецова—Дымшица, которым грозила смертная казнь. Поэтому, несмотря на помощь друзей, родители из Москвы никого не смогли пригласить. На ознакомление с делом (ст. 201 УПК) отец нанял одного из местных юристов — А.А.Орлова. Со второй половины 24-го по 26 декабря по несколько часов в день мы знакомились с делом.

С первого взгляда Орлов мне не понравился: холодные глаза, брызгливое выражение лица, что-то следовательское в манерах. На мой вопрос, как нам вместе следует строить защиту, он ответил: «Я считаю, вам надо признавать вину и давать признательные показания. Статья-то ведь до 7 лет».

Ну вот, еще один чекист на мою голову! После ознакомления с делом я пишу: от услуг адвоката Орлова я отказываюсь.

Ваши родители будут очень огорчены, — с нажимом говорит на прощание Орлов. Ну, да, будут огорчены, так как надо срочно искать другого адвоката. Но оказалось, что Орлов уже взял авансом 250 рублей сверх официального гонорара и не подумал эти деньги вернуть.

15 февраля, за неделю до начала процесса, меня приводят в следственный блок, где мне представляется новый адвокат — Николай Федорович Пушкин. Знакомился. Полноватый, сангвинического типа, подвижный говорун. Человек крепко поддающийся, он, по этой причине, видимо, находился на дне адвокатского сообщества. Терять ему нечего.

СЛЕДСТВИЕ. ГОД 70-Й
И СТАТЬЯ 70-Я

Арест

Помимо дел диссидентских, у меня был чисто бытовой повод поездки в Москву: надо было привезти мясные продукты. Я добросовестно закупил все, выехал ночным поездом и рано утром приехал в Горький. Позвонил Павленковым: «Светлана, твое задание выполнил, вечером привезу гуся!» Возможно, прослушивающими телефон гэбэшниками это сообщение было воспринято как какой-то шифр. (День ареста был выбран не случайно. По материалам оперативной слежки — прослушке, видеонаблюдению: техника ведь заморская, отличная. Меня надеялись прихватить по приезде из Москвы с якирским самиздатом.)

В тот день вместе с отцом я вернулся с работы домой. Едва зашли в дверь — звонок. И снова, как в мае 68-го, чертями из табакерки появляются на пороге и тараканами рассыпаются по квартире похожие друг на друга коротенькие человечки.

Предъявляют ордер на обыск. Я знаю, что дома у меня ничего нет, но какой удар опять для родителей! Мне предлагается добровольно выдать работу «Государство и социализм», подготовительные рукописи к ней и самиздат.

— У меня ничего нет. Ищите.

Перерыли все от туалета до балкона. Улов оказался убогим: забрали мои армейские записные книжки, несколько полупустых блокнотов, «Ученые записки» с адресом Суперфина, чистую копировальную бумагу, несколько листов с разными записями.

Но поговорив по телефону, они уже знают результат обыска у Юркиной, чего не знаю я.

Руководит операцией начальник следственного отдела Горьковского УКГБ майор Александр Миронович Хохлов — тот самый, что жестоко вел следствие у «главаря» четверки Владлена Павленкова и ко-

города, из элитного дома № 1 на пл. Минина.)

«Одевайтесь, поедете с нами».

На вопрос родителей, когда я вернусь, врут, как обычно: «Долго не задержим».

У подъезда сажают в черную «Волгу», зажимают с двух сторон и везут на Воробьевку. Там заводят в главное здание для оформления задержания. Кстати, только 23 октября прокурору области Сергею М.А. сообщается об обыске, постановление о мере пресечения принято тоже 23 октября. Утверждает его генерал-майор Горшков.

Хорошая тюрьма
Камера № 13

Горьковская следственная и пересыльная тюрьма (СИЗО № 1 или УЗ-62) — несколько добротных кирпичных зданий. Главное из них в плане напоминает незавершенную свастику. Была построена в начале XX в. на окраине Нижнего Новгорода, аккурат к 300-летию дома Романовых. В 1971 г. число заключенных (считано по пайкам хлеба) было 3,5 тысячи. Корпуса и камеры населены по-разному: в следственных камерах по 2–4 человека, в так называемом спортзале — до 150, летом заключенные изнывают от жары и сидят там полуголыми.

В шутку местные сидельцы называют горьковскую тюрьму «дача Морозова». Морозов, один из начальников, сделал много для благоустройства вверенного ему заведения: канализация, отопление. Вместо параш в камерах туалет — толчок, кровати — «шконки» не деревянные, с клопами, а металлические. Бывалые зэки, видевшие всякие пересылки, о горьковской отзываются неизменно положительно: «Хорошая тюрьма, без параш, без клопов».

Первые дни в СИЗО следствие ведется по ст. 190-1. Хохлов, заку-

что вообще не буду отвечать ни на какие вопросы, пока мне не вернут бумаги. После чего Хохлов и Колесников стали усиленно интросесовать состояние моего здоровья: не болит ли у меня голова, хорошо ли я сплю и т.п.

Намек на психушку был понят. На следующий допрос я приношу заявление. «В связи с участвовавшими в вопросах о моем здоровье хочу сообщить следующее. Чувствую себя хорошо, головных болей нет, сплю спокойно. Хочу отметить, что среди моих близких и дальних родственников нет людей с психическими заболеваниями (потом вспомнил — а ведь есть!). А самое главное — всего несколько месяцев назад я вернулся из рядов Советской армии, где держал нездорового человека было бы, как вы понимаете, крайне негуманно». Отдаю Хохлову.

— Ну, как, такое заявление по существу?

Хохлов крикнул: — Да, это по существу.

Иногда между допросами случались перерывы. Оказывается, в эти дни Хохлов ездил в командировки в другие города и лично допрашивал свидетелей. Он и еще десяток следователей допрашивали в Горьком и еще в 15 (!) городах Союза моих друзей, бывших сокурсников, сослуживцев по стройбату, студентов, преподавателей и командиров. От Алма-Аты и Мариинска до Одессы и Ужгорода. В Горький для дачи показаний вытребовали из армии с Камчатки Славу Хилова, из Киева — Игоря Гольдфарба, из Симферополя — Владимира Барбуха. Все расходы за их недобровольные поездки и вторные вызовы будут потом взысканы судом с меня — в лагере и после освобождения — 430 рублей, примерно 4 средних зарплаты.

Всего по делу прошло 39 свидетелей, и никто из них не дал обвинительных показаний против меня. Читая некоторые из них, я

КАЛЕНДАРЬ РЯЗАНИ 1937 ГОДА

Прошедшая в Рязани в 2012 г. с большим успехом выставка «Рязань. 1937. Черный юбилей» в настоящее время доступна пользователям Интернета по всей России, да и по всему миру. Материалы выставки, по которым посетитель может составить представление о том, как Рязанская область жила в год, ставший нарицательным обозначением для времени массовых репрессий, размещены Рязанским «Мемориалом» в Интернете по адресу issuu.com/memorial62/docs/blak-1937

— Ваш коллега советовал мне признавать вину и каяться. А как вы считаете?

Косясь на стены кабинета, он говорит:

— Я думаю, вам надо держать избранной вами линии защиты. Конечно, я человек партийный и не могу разделять ваши взгляды. Но я уверен, что антисоветской направленности у вас не могло быть. У вас замечательные характеристики: секретарь комсомольской организации в техникуме, отец коммунист. В своей студенческой работе по научному коммунизму вы сделали ошибочные выводы, я с ними не могу согласиться. Но ваши ошибки от неопытности (ведь вы были всего-то студентом третьего курса) и представляют искренние заблуждения. Вот на это я буду напорить в суде.

До начала процесса мы встречаемся еще 2–3 раза. Николай Федорович приходит с мороза. От него уютно пахнет португальским. Он весел, шутит, настроен оптимистично, и поневоле его настроение передается мне, хотя я трезво понимаю, что он мало чем может мне помочь.

Беседуем мы в следовательском кабинете, с оглядкой на стены, поэтому открывничать не приходится. Но видно, что я ему явно симпатичен, он охотно мне подкапывает и поддерживает мою версию событий, мои аргументы: «Конечно, конечно, так и будем вести защиту!» Как бы под большим секретом он передает мне новогоднюю открытку от родителей. Думаю, ее передачу он все же согласовал с Хохловым.

На судебные заседания он опять приходит с запахом португальца, дает мне на несколько минут поглядеть УПК, но по первому требованию ментов забирает кодекс, хотя его действия абсолютно законны.

Когда я заявляю протесты, он присоединяется к ним, но в целом держится робко. Противоречить прокурору ему не приходится в голову. Все его аргументы — это то, что он услышал от меня. Именно их он приводит в прениях сторон. Свои выступления он заключает просьбой к суду ограничиться минимальной мерой наказания по ст. 190-1.

После суда Пушкин совсем исчезает. Две кассационные жалобы в Верховный суд РСФСР я пишу самостоятельно. Московский адвокат Боброва признала их толковыми, но удивилась, почему в их написании не участвовал адвокат.

13 апреля в Москве в Верховном суде мой приговор был изменен: 4 года по ст. 70 заменились полутора годами по ст. 190-1. (После показаний Вали Юркиной дело развалилось, и при нормальном судопроизводстве следовало бы задержанного освободить. Но в СССР такое решение невозможно — иначе выходит, что КГБ и суд зря старались!)

14 мая меня вызывают в следственный корпус. Радостный Николай Федорович с криком:

— Победа! Виталий, наша победа! — бросается обнимать меня.

Конечно, я был рад. Рад за родителей, рад проколу КГБ, рад тому, что, обломившись на моем деле, чекисты оставят в покое Женю Купчинова. Но одновременно был и огорчен: вместо политлагеря, где я надеялся встретить многих хороших людей, я теперь попадаю в уголовный.

Николай Федорович этого не замечает. Он торжествует:

— Осталось каких-то 12 месяцев! Через год встретимся, посидим в ресторане!

Когда через год я вернулся из ИТК и через какое-то время позвонил в коллегия адвокатов, мне там сухо ответили: «Пушкин у нас уже не работает».

На снимке: Виталий Помазов, 2005 г. Фото из личного архива автора

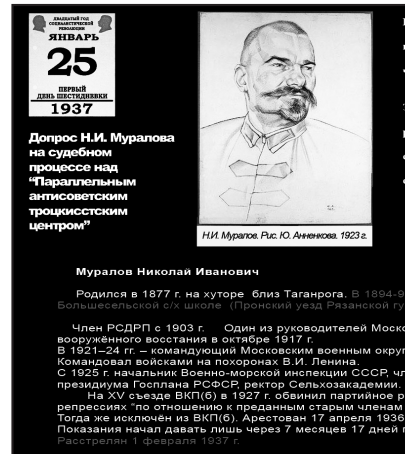

Как рассказал корреспонденту «30 октября» один из авторов выставки фотохудожник Николай Серeda, организатор Рязанского «Мемориала», идея ее создания появилась как ответ на празднование 75-летия образования Рязанской области, решение о котором было принято как раз в 1937 г. «Идея создать выставку возникла, когда в Рязани бурно праздновали 75-летие образования области, но при этом власти вообще ничего не говорили о массовых репрессиях того периода. Подобное искажение истории нельзя назвать правильным. И мы решили дать людям возможность понять, что происходило в 1937 г. в новообразованной Рязанской области», — сказал он. В качестве будущих экспонатов выставки Н.Серeda и его соавтор рязанский историк Александр Никитин использовали материалы, собранные в рамках архивной коллекции Рязанского общества «Мемориал». В подготовке выставки принимали участие члены исторических программ Рязанского «Мемориала».

танов с выкладыванием территории вокруг плиткой. Через 75 лет их далекие преемники поспешили сделать то же самое. «Есть и более печальные параллели: тогда люди

судебных; год первых в СССР всеобщих выборов и «Большого террора».

У 1937-го неповторимо сложная драматургия и ни с чем не срав-

предпочитали «не знать», что арестовывают и расстреливают, а сейчас власти, говоря о 1937 г., предпочитают говорить о празднике, о создании области, и никто не ска-

нимый трагический масштаб...» — писали авторы выставки в буклете к ней. Выставка «Рязань. 1937. Черный юбилей» прошла на двух площад-

были задействованы при подготовке регионального блока известной выставки «Неперемолотые», которую «Мемориал» проводил совместно с Преображенским православным братством, их показывали в Рязанской областной библиотеке. Николай Серeda со своей стороны отметил, что многие посетители сетовали на то, что выставка узковата и надо бы ее расширить. «В ответ мы бы расказывали, что нам и так пришлось все сжимать и сжимать», — говорит он. Отрицательные отзывы в основном сводились к перепадам традиционных заклинаний о том, что «не надо ворошить прошлое».

В дальнейшем Николай Серeda перенял экспонаты выставки и вывел ее на просторы Интернета, чтобы с проектом могли познакомиться жители других городов. Появление этих материалов в Интернете также вызвало большой интерес. По словам А.Блинушова, в первые же дни выставку в Интернете посмотрело более 3 тысяч человек.

Выставкой продолжают интересоваться и в Рязани. Как отметил Н.Серeda, в настоящее время проходят переговоры с Рязанской областной библиотекой имени Горького о том, чтобы провести выставку еще и там. «У нас уже был опыт сотрудничества с библиотекой — мы проводили там выставку об Акмолинском лагере жен изменников Родины (АЛЖИР),

которая также прошла с большим успехом. В этом году мы надеемся показать там выставку «Красное колесо», посвященную репрессиям на Рязанщине, а затем и «Черный год», — заметил он. Организаторы выставки надеются пополнить ее новыми материалами, хотя это связано с некоторыми техническими сложностями. Экспонаты наклеены на пронумерованные планшеты и вставлены между ними новый лист будет довольно затруднительно. Андрей Блинушов также выразил надежду на то, что жители Рязани, предпочитающие смотреть выставки «живьем», а не через Интернет, тоже смогут ее увидеть. «Я имел достаточно поводов убедиться — выставка производит на людей впечатление. Надеюсь, что ее удастся когда-нибудь показать и в Рязанском областном историческом музее», — поделился он.

Семен ЧАРНЫЙ, собственный корреспондент интернет-издания «Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru специально для «30 октября»

На снимках: фрагменты выставки. Иллюстрации Николая Середы и Александра Никитина

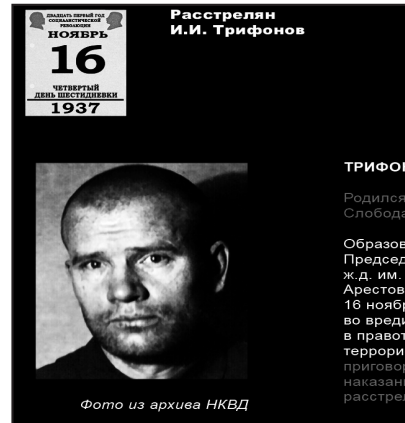
Как вспоминает Николай Серeda, им пришлось отсмотреть громадное количество материалов и потратить немало времени на то, чтобы понять, как их расположить, пока Александр Никитин не предложил простой и эффектный способ: показать жизнь региона в 1937 г. день за днем, с 1 января по 31 декабря, используя материалы прессы — городской, районной, областной. Газетные статьи и фотографии того времени, сообщающие о местных достижениях, требующие разоблачать «врагов народа» и т.д., перемежаются с данными об арестах (и последующей казни) жителей Рязани или рязанцев, переехавших в другие города, — знаменитых и неизвестных, старых и молодых.

При просмотре материалов из 1930-х гг. невольно напрашивались параллели с сегодняшним днем. Именно в 1937 г. городские власти Рязани вдруг озаботились строительством в центре города фон-

зал о страшных и ужасных временах, которые тогда пережили», — заметил Николай Серeda. «...Мы еще не родились тогда, но мы оживили для себя 1937 г., вместивший в себя столько несомненного. Год пушкинского юбилея и срежиссированных судебных расправ; год всесоюзной переписи и еще более страшных расправ вне-

ках — в Детской картинной галерее и Музее молодежных движений и вызвала большой интерес в Рязани. Как рассказал корреспонденту «30 октября» председатель Рязанского «Мемориала» Андрей Блинушов, модули этой выставки использовались в ходе мемориальных лекций, «круглых столов», конференций. Например, они

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ ПРОТИВ ВЫСТАВКИ КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ СТАЛИНА

21 декабря 2012 г. в Симферополе открылась уличная выставка, организованная движением «Суть времени». Выставка была посвящена очередной годовщине со дня рождения И.В. Сталина. Через час к выставке подошли несколько крымских татар и попросили снять портрет Сталина. После отказа секретарь меджлиса крымских татар Заир Смедляев пнул выставочный стенд, а другие активисты нарисовали на нем свастики и удалились. «30 октября» решила узнать мнения сторон о причине конфликта.

Рашид Ксиров прибыл к торговому комплексу «Берг» в половине восьмого утра и начал разворачивать выставку. Координатор ячейки «Суть времени — Крым» (см. Справку) Виктор Миронов подошел, по словам Ксирова, чуть позже, в начале девятого. «К нам подошли милиционеры и стали спрашивать, зачем мы устраиваем эту выставку. Ее проведение отличный повод для самопиара меджлиса. Милиция уже накануне была осведомлена об их намерениях сорвать выставку. Мы сказали, что, несмотря ни на что, выставка состоится, тем более что у нас есть разрешение на ее проведение от властей Симферополя», — рассказал очевидец событий.

Когда милиционеры поняли, что выставку свернуть не удастся, они предупредили ее организаторов о том, что в случае возникновения конфликта защищать их не станут. Миронов подписал документ о том, что он предупрежден об ответственности, связанной с нарушением общественного порядка.

В девять часов утра прибыло татарское телевидение, продолжает Рашид Ксиров. «К этому времени еще не все экспонаты были расставлены, и они стали меня поторапливать с открытием выставки», — вспоминает Ксиров.

В течение часа выставка, по словам активиста ячейки «Суть времени — Крым», проходила нормально. Затем появилась толпа «здоровых мужиков». Они сгрупились вокруг стенда Сталину. «Я раздавал листовки, разговаривал с посетителями выставки, когда услышал за спиной возмущенные крики, — рассказывает собеседник «30 октября». — Я стал фотографировать эту толпу. На самом деле их было больше двадцати, главным среди которых был Смедляев».

Сразу после того, как Смедляев, по словам Рашида Ксирова, опрокинул стенды, к ним подошел другой мужчина из этой толпы, достал баллончик с краской и стал рисовать на стендах свастику. «Хочу особо подчеркнуть, что свастику этот человек рисовал не только на портретах Сталина и Гитлера, но и на фотографии Парада Победы, встречи воинов-победителей — то есть на абсолютно позитивных фотографиях», — отметил один из организаторов выставки.

Дальше, по словам Ксирова, разрушители общественного порядка «попозирировали перед камерами», пообщались с посетителями выставки и ушли. «Они пришли исключительно ради конфликта: они подумали, что испортили нам выставку, — продолжает Рашид Ксиров. — На самом деле выстав-

ка продлилась до пяти часов вечера, а не свернулась через час, как утверждает Смедляев».

Испорченные планшеты (а их, по словам Ксирова, было 5 из 11) поднимать не стали, чтобы оперативная группа смогла зафиксировать повреждения.

Собеседник корреспондента «30 октября» не помнит, просили ли его представители меджлиса убрать планшеты, прежде чем опрокинуть их на землю, но абсолютно убежден, что оснований для такой просьбы, кроме личной неприязни к Сталину, у них не было.

«Все СМИ заявили потом, что у нас якобы была информация о спецпереселении татар. У нас этой информации не было ни на выставке, ни в листовках. Мы эту тему не затрагивали именно по причине ее неоднозначности. Не говорил я и о том, что переселение для татар было гуманистическим актом со стороны Сталина», — утверждает Ксиров, добавляя при этом, что ругаться за то, что его товарищи не говорили ничего подобного, он не может.

Фотографии Гитлера и Риббентропа размещались на стенде вместе с остальными историческими деятелями эпохи Сталина и были представлены не для рекламы или пропаганды фашизма или сталинизма, а в определенном политическом контексте, утверждает Ксиров. «Каждый человек вправе относиться по-своему к тем или иным историческим фигурам, — выражает свою точку зрения один из организаторов выставки. — Но это должно выражаться в рамках правового поля. Мы же не отказываем татарам в праве провести выставку на тему депортации Сталиным татарского народа? Мы реализуем свое право рассказать об этом человеке. При этом мы его не идеализируем, а хотим понять историю. Если наши народы воевали и одерживали победы под руководством Сталина, почему мы не имеем права осветить эту историческую фигуру?»

Отношение к личности Сталина сегодня неоднозначно: его и восхваляют, и ненавидят, продолжает Ксиров. «Но мы хотим понять историю, поскольку за всеми этими эмоциями любви и ненависти идет потеря самой реальности. Мы против этого, мы против того, чтобы замалчивать историю», — пояснил член ячейки «Суть времени — Крым».

Ксиров категорически не согласен с утверждением Смедляева о том, что выставка носила провока-

ционный характер. «Провокацией может стать все что угодно. Главное, чтобы при наличии иной точки зрения люди оставались в рамках правового поля», — считает Рашид Ксиров.

Виктор Миронов, координатор ячейки «Суть времени — Крым», утверждает, что он подошел к месту проведения выставки, когда все основные события уже завершились. Милиция, по его словам, ни во что не вмешивалась, молча наблюдая за происходящим.

Миронов не считает себя организатором выставки: «В ее подготовке более активное участие принимали другие товарищи», — отметил собеседник корреспондента «30 октября».

Руководитель секретариата меджлиса (непризнанного парламента) крымско-татарского народа Заир Смедляев рассказал корреспонденту газеты «30 октября» о том, что о выставке, посвященной дню рождения Сталина, стало известно накануне ее проведения. 20 декабря на сайте меджлиса крымско-татарского народа появилось заявление пресс-службы по этому поводу. В нем, в частности, говорится: «Подобная акция является грубым вмешательством в общественную жизнь суверенного государства Украины со стороны всеукраинского общественного движения «Суть времени». Более того, эта выставка есть явно запланированная провокационная акция для дискредитации Украины в период, когда она недавно приняла на себя престижную миссию председательства в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе».

«Во время Второй мировой войны с территории Крыма был полностью депортирован крымско-татарский народ. Во время этой чудовищной акции погибло 46,2% народа. Вместе с нашим народом были депортированы армяне, греки и немцы, — рассказывает Заир Смедляев. — На основании Вильнюсской декларации ОБСЕ 2009 г., пропаганда Сталина и Гитлера — величайших тиранов 20-го столетия — была запрещена. Несмотря на эти запреты, городской совет Симферополя дал добро на проведение этой выставки, заранее зная, что она провокационная».

Организатор этой выставки Виктор Миронов, член региональной крымской ячейки всеукраинского «левопатриотического» движения, рассказывал ее посетителям о том, что депортация была величайшим актом гума-

низма по отношению к крымско-татарскому народу, продолжает Смедляев. «Гуманизм, по мнению этих людей, состоит в том, что по закону военного времени Сталин должен был всех расстрелять, а он этого не сделал. Значит, наш народ должен еще спасибо сказать этому великому тирану, — говорит собеседник «30 октября». — На выставке приводились слова Гитлера, Риббентропа, восхвалявших Сталина. Были лестные высказывания в адрес тирана и других политических деятелей, но они, как правило, вырваны из контекста».

Изначально было заявлено, что выставка будет давать объективную оценку роли Сталина и ее посетители сами должны сформировать свое отношение к нему. На самом деле, по мнению руководителя секретариата меджлиса крымско-татарского народа, это была явная пропаганда сталинизма.

Заир Смедляев посчитал проведение подобной выставки «полным беспределом», который не должен остаться безнаказанным, и отправился со своими товарищами к месту ее проведения — торговому комплексу «Берг» в центре Симферополя. «Выставка состояла из двух разделов: «20 лет без СССР» и второго, посвященного очередной годовщине со дня рождения Сталина, — вспоминает Смедляев. — К первому разделу мы никаких претензий не имели, а вот экспонаты второго раздела вежливо попросили организатора выставки убрать. Никакой реакции на наши просьбы не последовало. Мы снова попросили внять нашей просьбе, ссылаясь на то, что для нас и Сталин, и Гитлер — одинаковые фашисты».

Просьбы представителей крымско-татарского народа так и не были услышаны — организатор отказался убрать экспонаты, прославляющие Сталина. «Когда Виктор Миронов отказался это сделать, я подошел, схватил стенд, на котором были закреплены снимки Сталина, и перевернул его. Другие ребята взяли из машины баллончик с краской и нарисовали свастику, чтобы дать понять, что Сталин и Гитлер — фашисты».

Свастика была нарисована, чтобы не дать использовать эти экспонаты выставки в других городах, продолжает Смедляев. «Хотя думаю, что это их не остановит. Денег у организации много, сделают новые стенды», — добавляет руководитель секретариата меджлиса крымско-татарского народа.

Через пару часов после инцидента выставка свою работу прекратила, утверждает Смедляев. По данному эпизоду против Заира Смедляева возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 296 УК Украины «Хулиганство», предусматривающей наказание в виде штрафа от 500 до 1000 необлагаемых минимумов доходов граждан (от 8500 гривен до 17 000 гривен, или от 31 600 до 63 200 рублей. — Примеч. ред.), арест сроком до 6 месяцев или ограничение свободы на срок до 5 лет.

Несмотря на это, Заир Смедляев о своем поступке не жалеет: «Понимаете, если бы подобную выставку захотели провести в Чечне, эти плакаты засунули бы организаторам сами знаете куда. Наши же власти по непонятной для нас причине позволили проведение открыто шовинистической выставки, — говорит собеседник. — Несмотря на то, что я сейчас нахожусь под следствием, о поступке своем не жалею. Если кто-то захочет провести у нас подобную выставку, мы этого не допустим».

Алексей Манаров, НИПЦ «Мемориал», Москва: «У крымско-татарского народа есть основания сравнивать Сталина с Гитлером»

Немудрено, что не только резкое отрицание Сталина, но и сравнение его с Гитлером возможно для крымских татар. Не надо удивляться, что они рисуют свастики на плакатах движения «Суть времени». В 1944 г. крымские татары были депортированы из Крыма, в основном в Узбекистан. Только за первые полтора года погибло почти 30 тысяч, то есть каждый пятый! В январе 1969 г. известный диссидент Анатолий Якобсон написал текст «Судят крымских татар» (распространялся анонимно), в котором, в частности, говорилось: «Так за полтора года погибла без малого половина всех крымских татар — около 46%. Это был геноцид, народоубийство. Дьявольское ремесло двух океанных фюреров XX века — Гитлера и Сталина».

История крымско-татарского народа — яркий пример незавершенной истории. Остальные депортированные народы рано или поздно смогли вернуться на свою историческую родину. Крымским татарам, реабилитированным позже всех, в 1967 г., вернуться так и не разрешили. В результате возникло национальное движение крымских татар. В какой-то момент крымские татары и московские диссиденты «открыли» друг друга. Московские правозащитники были поражены организованностью и размахом национального движения (группы во многих городах, петиции с многими тысячами подписей, институт «представителей народа» в Москве). В частности, во многом выпуск их «Информации» были предшественниками «Хроники текущих событий». Крымские татары, в свою очередь, получили возможность выхода на западных журналистов и приобрели союзников среди российской интеллигенции. Сначала к крымским татарам тянуло людей, которые считали себя верными ленинцами (любовь крымских татар к Ленину имеет историческое объяснение: именно он подписал указ об основании Крымской АССР 18 октября 1921 г.). Мы говорим о людях, которые, как и крымские татары, пострадали во время сталинских репрессий. Это Сергей Сергеевич Писарев и Алексей Евграфович Костерин. Они в своей борьбе с несправедливостью или официальной бюрократическим путем: писали обращения и жалобы с упоминанием имени Ленина в официальные, прежде всего партийные, инстанции. Самый известный защитник крымских татар — генерал Петр Григорьевич Григоренко, а позже и его сын Андрей, которые на протяжении десятилетий поддерживали борьбу крымских татар (в том числе и когда оказались в эмиграции). Тема Сталина для Григоренко тоже была актуальной: одна из самых известных его статей — «Соккрытие исторической правды — преступление перед народом». Ни прибавить, ни убавить. Тем более что статья посвящена роли Сталина в Великой Отечественной войне. 7 мая 1969 г. Григоренко был арестован в Ташкенте, куда прибыл по ходатайству крымских татар, чтобы выступить общественным защитником на одном из самых громких процессов над активистами крымско-татарского движения — «процессе десяти». Григоренко был признан невменяемым и до 1974 г. находился в психиатрических больницах.

Сейчас крымское общество расколото. Есть ветераны движения крымских татар, многие из которых пошли в политику и образовали меджлис (орган самоуправления крымских татар), есть крымские коммунисты, которые на последних местных выборах осенью 2012 г. набрали почти 20% голосов, и есть крымская власть («Партия регионов»), которая находится в конфликте с меджлисом. Проблема крымских татар — это не только проблема земли (как и в 1970-е гг. — практика самовольного строительства), но и реабилитации, поскольку отдельный закон о реабилитации депортированных народов не был принят, а ряд статей закона «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине», принятый в 1991 г., не распространяется на них.

ЭФФЕКТ ПРИСУТСТВИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

Открывшийся в ноябре в Москве усилиями Федерации еврейских общин России Еврейский музей и Центр толерантности охватывает всю историю проживания евреев на территории современной России — от их первого появления на территории Боспорского царства, занимавшего земли по обоим берегам Керченского пролива, до современности.

Сам музей построен не столько на показе тех или иных артефактов, сколько на интерактивности и высоких технологиях. Посетители слышат «голоса прошлого», видят фотографии и кинохронику, запечатлевшую ушедший мир российского и советского еврейства. Чтобы вызвать эти «тени прошлого», им достаточно прикоснуться к интересующему их объекту рукой.

Автором концепции музея стал известный американский архитектор Ральф Аппельбаум, чья фирма Ральф Аппельбаум Ассошиэйтс, Инк. создала несколько сотен различных музеев по всему миру, в том числе Музей Холокоста в Вашингтоне.

Экспозиция начинается с 4D-кинотеатра, в котором демонстрируется фильм о событиях, изложенных в Библии, доведенных до момента разрушения римлянами Второго Храма в 70 г. н.э., и завершается стендом, рассказывающим о жизни еврейских общин в современной России.

Самая масштабная экспозиция посвящена Второй мировой войне и Холокосту. Посетитель может увидеть здесь подлинный танк Т-34, сделанный на Челябинском заводе, которым руководил И. Зальцман; прочесть о том, что в советской армии воевало полмиллиона евреев и не менее 200 тысяч из них погибли. Здесь же вывешены материалы, посвященные Холокосту (на территории СССР, по последним подсчетам, нацисты уничтожили около 3 миллионов евреев — половину от общего числа жертв Холокоста). Самые жуткие фотографии массовых казней размещены так, чтобы их не смогли увидеть дети. В рамках этой экспозиции существует Зал Памяти. В нем на стене раз в несколько секунд появляется имя. Это может быть имя одного из погибших солдат Красной армии (более 10 миллионов) или кого-то из жертв Холокоста, чьи имена известны (почти 3 миллиона человек). Этим имен так много, что каждое из них может появиться на экране раз в полгода. В Зале Памяти можно поставить свечу за кого-то из своих предков, погибших на войне, или просто за одного из погибших. Посетители также могут найти своих родственников из числа погибших в базе данных или пополнить ее новыми сведениями.

Музей, обошедшийся в 50 миллионов долларов, был открыт при поддержке российских властей и крупного отечественного бизнеса. Рядом с гардеробом находятся мраморные доски, на которых выбиты имена спонсоров. Председателем попечительского совета музея стал известный предприниматель Виктор Вексельберг. Рядом с табличками с именами бизнесменов и меценатов, а также пустыми, есть и табличка с фамилией Владимира

Путина. Когда-то, еще в 2006 г., президент пожертвовал на строительство музея свою месячную зарплату. Впервые Владимир Путин посетил музей 19 февраля с.г., когда там проходило заседание Совета по межнациональным отношениям при президенте. Он зажег свечу в Зале Памяти в память о 6 миллионах евреев, уничтоженных нацистами и их приспешниками. Позже, открывая заседание, Путин заметил, что убежден, что этот центр никого не оставит равнодушным. «На мой взгляд, удалось создать выдающееся учреждение, которое, безусловно, будет привлекать наших граждан, причем разных национальностей», — сказал он.

Естественно, в экспозиции не была обойдена и тема репрессий, с которыми евреи, как и все остальные жители СССР, столкнулись в советский период. С этим встречаешься уже в разделе, посвященном межвоенному периоду. Вначале идет небольшой стенд с рассказами о гонениях на иудаизм, когда «по просьбам трудящихся евреев» в СССР массово закрывали синагоги, а раввинов и религиозных активистов репрессировали. В числе прочих был арестован и глава движения Хабад (Федерация еврейских общин России создана приверженцами этого же движения) любавичский Ребе Йосеф Ицхак Шнеерсон, возглавлявший полулегальный «Совет раввинов». Ему, однако, по-

везло больше других: под давлением зарубежной общины власти заменили ему смертную казнь сначала ссылкой в Кострому, а затем и ссылкой за границу.

В следующем зале посетитель может увидеть большой стол в виде пятиконечной звезды. По этому столу перемещаются квадратики разных цветов. Прикасаясь к такому квадрату, посетитель получает возможность увидеть биографию одного из советских евреев, достигшего немалых успехов в первые десятилетия советской власти в политике, культуре, искусстве. Однако большинство биографий имеют характерное окончание: «репрессирован в...».

Следующий раздел, посвященный репрессиям, относится к периоду, получившему название «черные годы» (1948–1953 гг.). Это были годы так называемой борьбы с космополитизмом, под флагом которой проводилось «очищение» от евреев сфер науки, культуры, искусства. Апогеем этого процесса, представлявшего собой едва прикрытый государственный антисемитизм, стало дело Еврейского антифашистского комитета, по которому в августе 1952 г. были расстреляны 12 человек из его руководства, и начавшееся в январе 1953 г. «дело врачей», приведшее к наиболее масштабному за всю советскую историю разгулу антисемитской истории и вспышке недоверия к врачам. Посетитель может увидеть здесь ста-

тью из газеты «Правда» «Об одной антипартийной группе театральных критиков», послужившую началом «борьбы с космополитизмом». Рядом — «Хроника» из «Правды» от 13 января 1953 г. с сообщением об аресте «врачей-вредителей», сообщение о вручении ордена Ленина врачу Лидии Тимашук, которую объявили разоблачительницей «вредителей», и соответствующие карикатуры антисемитского характера на «врачей-вредителей» из журнала «Крокодил». На соседнем стенде, нажав на кнопку, можно услышать воспроизведение речи одного из подсудимых по делу ЕАК — заместителя главы Совинформбюро Соломона Лозовского, которому, собственно, и подчинялся Комитет. Речь была произнесена на суде и восстановлена по сохранившейся стенограмме.

Следующий зал посвящен 1950–1960-м гг. Мы видим типичную квартиру советского еврейского интеллигента и слышим разговоры обитателей этой квартиры с друзьями или между собой. Среди тем этих разговоров — государственный антисемитизм при приеме в вузы (пресловутая «процентная норма», неофициально восстановленная в последние сталинские годы и просуществовавшая в некоторых вузах до конца 1980-х годов) и, естественно, неперенные еврейские анекдоты.

Выйдя из квартиры, посетитель попадает в березовую рощу. Подобное оформление зала — память о тех рощах в Подмоскowie, где собирались представители еврейского независимого движения в 1970–1980-х гг. для проведения еврейских праздников. Здесь мы видим фотографии подобных празднований, сделанные в разные годы. Материалы стенда в этом зале рассказывают об истории движения за право свободы выезда и возможности развивать еврейскую культуру. Не забыты и гонения со стороны властей — «самолетное дело» 1970 г. по обвинению группы евреев в угоне самолета; арест в 1977 г. Анатолия Щаранского, входившего кроме еврейского независимого движения также и в Московскую Хельсинкскую группу, и Иосифа Бегуна, пытавшегося официально преподавать иврит.

Следующий зал формально посвящен совсем другому явлению — массовой эмиграции из СССР в конце 1980 — начале 1990-х гг., получившей в Израиле название «большая алия» (ивритское слово «алия» — «восхождение», еще в первой половине XX века превратилось в сионистской среде в обозначение эмиграции на территорию современного Израиля). Однако хранящиеся там десятки интервью с эмигрантами, принадлежащими к самым разным группам — от активистов еврейского движения, например, Иосифа Бегуна, прожившего в тюрьмах и ссылках почти 10 лет с незначительными перерывами, до «обычных советских людей», которые с началом Перестройки вспомнили, что они евреи, — позволяют слушающему эти интервью посетителю музея погрузиться в глубь истории советских евреев.

Музей обращен не только к прошлому, но и к настоящему. В находящемся в конце маршрута Центре толерантности посетители могут увидеть один из специально снятых видеороликов, показывающих, насколько опасна в современном обществе ксенофобия. После окончания просмотра зрители могут проголосовать — одобряют ли они действия героев ролика или нет, правильно ли поступают или неправильно.

Семен ЧАРНЫЙ,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимках: фрагменты экспозиции музея
Фото предоставлены пресс-службой
Еврейского музея и Центра толерантности.

СПРАВКА:

Суть времени — общественное лево-патриотическое движение, основателем и лидером которого является Сергей Кургинян. Идеология движения — коммунистическая, но она не сводится к марксизму, а выступает его развитием. Одним из важных положений этой идеологии выступает утверждение о необходимости возрождения духа как источника политической воли. Проект основанный на этой идеологии, провозглашает мессианское значение России в мире как единственной страны, имеющей опыт иного способа развития и способной показать всему миру на своем примере путь выхода из глобального мирового кризиса. Стремится к объединению людей с коммунистическими взглядами и сторонников умеренного имперского национализма. В ряде вопросов сотрудничает с Русской православной церковью и ставит перед собой задачу синтеза коммунистических идей и православных ценностей.

Марина Владимировна Борисенко, член политсовета движения «Суть времени»: «Движение «Суть времени» — становящееся общественно-политическое движение. Цели: сохранение территориальной целостности России и процветание Российского государства. Главной задачей движения является защита исторического достоинства России, права российских граждан на знание истории своего государства, формирование альтернативной модели российского общества, и такие прикладные задачи, как анализ исторического наследия России, включая советский период ее истории, а также культурно-социальные исследования общества, которые мы проводим. Но защита социальной целостности России — наша главная задача».

СПРАВКА:

Компания Ральф Аппельбаум Ассошиэйтс, Инк. организует музейные экспозиции, не раз отмеченные наградами, создает туристические центры и разрабатывает образовательные проекты, посвященные истории, естественным наукам, культуре, спорту, истории брендов и изобразительному искусству.

Она была основана в 1978 г. Ральфом Аппельбаумом и с тех пор воплотила в жизнь более 500 проектов, которые ежегодно посещают более 50 миллионов человек.

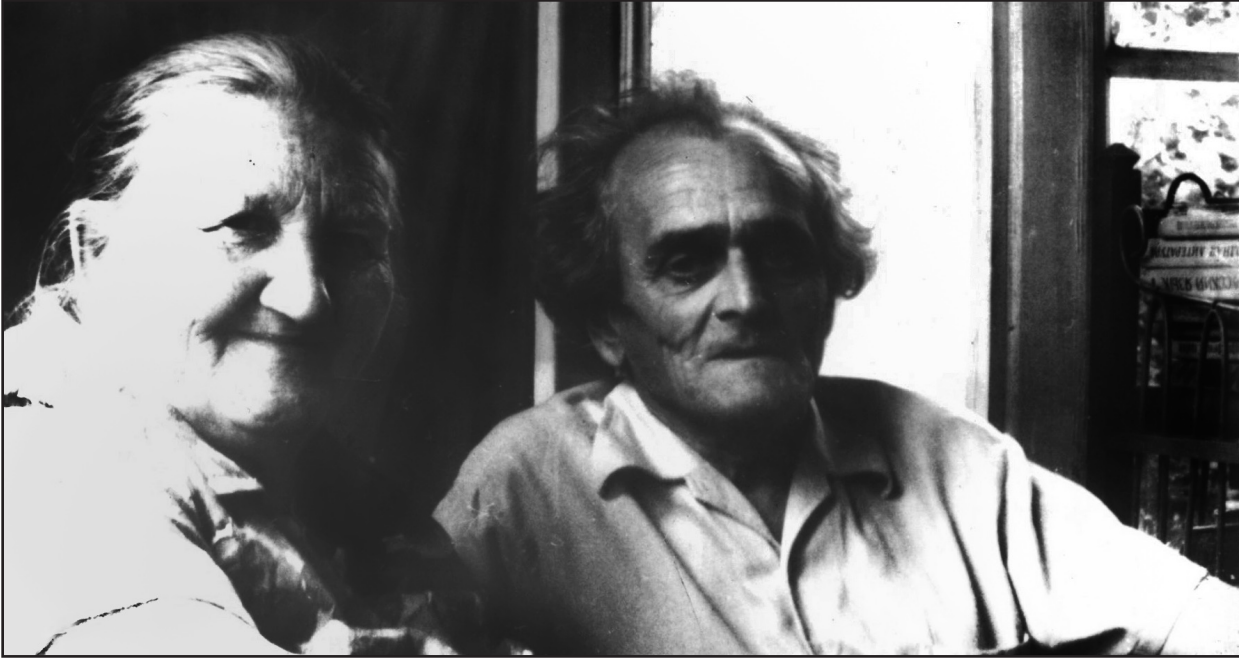
В ноябре 2012 г. открыл двери Еврейский музей и Центр толерантности. Этот центр полностью реализован компанией Ральфа Аппельбаума.

На данный момент в работе первый в России президентский центр (Б.Н.Ельцина) в Екатеринбурге. Также Ральф Аппельбаум Ассошиэйтс, Инк. ведет переговоры с Сахаровским центром в Москве.

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

Политические репрессии в СССР можно разделить на несколько периодов, от начавшегося сразу после Октябрьской революции, до конца 1980-х годов, когда шла борьба с диссидентским движением. Но во все эти периоды неизменным оставался тот факт, что репрессии против «врагов народа» прежде всего разрушали советские семьи, меняли их уклад жизни, делали многих людей, подвергшихся репрессиям или пострадавших от них, сознательными противниками коммунистической системы.

Репрессии накладывали свой неизгладимый отпечаток на всю советскую жизнь. И страдали от них прежде всего семьи. Страх ареста, невозможность устроиться на работу, поступить в вуз, постоянный ярлык «член семьи врага народа» делали таких людей изгоями в советском обществе. Именно поэтому изучение истории отдельных семей, пострадавших от политических репрессий, представляет особый интерес. Через истории таких семей еще ярче, еще выпуклее проявляется вся бесчеловечность тоталитарного режима.

НЕСОГЛАСНЫЕ КВАЧЕВСКИЕ

Александра Владимировна Квачевская происходила из семьи учителя гимназии в Пензенской губернии. Ее отец Владимир Александрович закончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Он преподавал в гимназии русский язык, литературу, историю, географию и латынь. Владимир Александрович имел большую библиотеку. В его кабинете стояли шкафы с любимыми книгами: Пушкина, Гоголя, Гомера, Данте, Шекспира, Диккенса, Сенкевича. Квачевский был глубоко верующим человеком. По воспоминаниям А.В.Квачевской, на его столе лежала Библия, в красном углу висели иконы Владимирской Божией Матери и Спаса Нерукотворного.

Воспитанная в культурной и религиозной семье Александра Владимировна восприняла изучение иностранных языков, любовь к литературе, понимание красоты окружающего мира — лучшие традиции XIX века. Это определило ее стремление связать свою жизнь с искусством. В 1922 г. она поступила в Петроградский институт истории искусств. Но 4 ноября 1924 г. она была арестована за участие в работе нелегального анархического кружка и за анархическую агитацию.

В следственном деле Квачевской сказано: «По данным агентурного материала удалось установить, что в Институте истории искусств имеется анархо-подпольная группировка. На нелегальных собраниях обсуждаются вопросы теоретического и практического характера. Членами секретариата уносятся неизвестно куда анархо-литература. Параллельно с подпольной работой ведется и скрытая агитация среди студентов против Исполбюро и коммунистической фракции. В результате ими была создана оппозиция, которая во время выборов в Исполбюро 1 ноября 1924 г. при поддержке большинства непролетарского студенчества открыто выступила против списка, выставленного комфракцией, чем и сорвала собрание. На основании имеющихся агентурных материалов в ночь на 4 ноября сего года был произведен ряд арестов студентов вышеуказанного института. Квачевская Александра Владимировна на допросах виновной себя не признала, хотя известно, что она сочувствует анархистам».

На самом деле все было гораздо проще. На выборах Исполбюро студентам предложили голосовать списком, который представила комсомольская ячейка института. Так как все, кто был в списке, не были известны большинству собравшихся, Квачевская предложила голосовать поименно, что было поддержано большинством присутствующих. По воспоминаниям Лидии Чуковской, которая тоже училась в Институте истории искусств и была арестована по этому делу, но позже отпущена, комсомольцы вели себя нагло и при подсчете голосов явно фальсифицировали выборы. Это вызвало гнев студентов, и ни один комсомолец не был избран в Исполбюро. В него избрали трех человек, в том числе и Квачевскую. Такое решение не понравилось партийному руководству. А уже «создать» нелегальную анархическую организацию было делом техники, тем более что среди студентов были анархисты, которые входили в тогда еще легальную организацию — Всероссийскую федерацию анархистов. Сама Александра Владимировна себя к анархистам не причисляла, хотя дружила со многими из них.

16 января 1925 г. Квачевской было предъявлено обвинение по статье 60 УК РСФСР — «участие в нелегальных организациях» — и вынесен приговор Особого совещания коллегии ОГПУ СССР — 3 года ссылки в Киргизию. Но в том же 1925 г. ее переводят в Уральск. Позже Александра Владимировна проживала в Твери, Торжке, Бийске.

В ссылке

В начале 1920-х гг. репрессии в основном затрагивали членов бывших партий, которые не соглашались признать правоту большевиков.

Ссылные в Уральске, чтобы скрасить свой досуг, устраивали посиделки, где говорили о марксизме, текущей политике, критиковали большевиков, которые установили в стране диктатуру своей партии. Эсеры ратовали за демократию, которая «при всех ее недостатках все же «наименьшее зло». На одном из таких собраний у Квачевской вырвалось: «ненавижу марксистов». Александра Владимировна сама делала доклады ссылным о Блоке, Есенине, который, по ее словам,

«был властитель дум нашего поколения».

Осенью 1925 г. уральские ссылные обсуждали дискуссию, которая тогда развернулась в верхах ВКП(б). Ленинградская партийная организация во главе с Зиновьевым выступила против курса, проводимого Сталиным и его сторонниками. Споры шли не только о нэпе и возможности построения социализма в одной стране. Оппозиционеры критиковали секретариат ЦК, выступили за открытость дискуссий и демократизацию партии. Их поддерживали многие видные большевики — Каменев, Крупская, Троцкий. «Споры, — пишет Квачевская, — велись яростные».

Александра Владимировна получила «Ленинградскую правду», в которой печатались статьи сторонников Зиновьева. По ее словам: «Мою «Ленинградскую правду» читали нарасхват». Но все ссылные были уверены, «что оппозиционерам дадут по шапке даже в том случае, если они высказывают отдельные здравые мысли, ибо никакого отклонения от генеральной линии Центральный комитет не потерпит».

О своем пребывании в Уральске в 1925–1926 гг. Квачевская оставила воспоминания «Дорогами памяти», которые были опубликованы в сборнике Мемориала «Катынь» в 2008 г. В них не только бытовые зарисовки, довольно интересные, но и рассказы о людях, с которыми она встретила в уральской ссылке.

Беглый социалист Борис Иоффе-Зайцев

Последний год ссылки Квачевская провела в Бийске Алтайского края, где осталась жить после окончания срока и устроилась работать в одну из статистических контор. Здесь она вышла замуж за Бориса Лазаревича Иоффе. В 1921–1922 гг., учась в Саратовском университете, он примкнул к кружку социал-демократов. В конце 1922 г. Иоффе был арестован и приговорен к 2 годам ссылки, которую отбывал в Архангельске, Усть-Цильме, Нижнем Новгороде. В 1926 г. он получил новый срок — 3 года ссылки в Ирбит. Отсюда Иоффе сбежал в Москву по подложному паспорту на фамилию Зайцев. В столице он занимался распространением социал-демократической

газеты «Социалистический вестник». В конце 1926 г. Иоффе снова был арестован и приговорен к 3 годам Верхне-Уральского изолятора. Отсидев положенный срок, Борис Лазаревич получает 3 года ссылки в город Бийск, куда он прибыл в начале 1930 г.

Но на этом злключения Иоффе не закончились. В 1933 г. его привлекли к уголовной ответственности по делу меньшевиков. Правда, вскоре это дело было прекращено, но в том же году на него вешают еще один срок, все те же 3 года ссылки, теперь уже в Ульяновск, куда он и переезжает с семьей.

В новых делах Борис Лазаревич фигурирует как Иоффе-Зайцев. Вымышленная фамилия приклеилась к нему на всю жизнь. Даже в справках о реабилитации он значится под двойной фамилией, причем справки были выданы прокуратурой четырех городов: Москвы, Нижнего Новгорода, Бийска, Ульяновска.

1937 г. обошел стороной Александру Владимировну и Бориса Лазаревича. Это выглядит как-то чудом. В общем, повезло. Но репрессии тогда коснулись их родственников. В 1937 г. был арестован отец Квачевской Владимир Александрович. На него донес сосед, желая получить дополнительную жилплощадь.

В мае 1938 г. был арестован ее старший брат Лев, инженер-строитель. В годы Гражданской войны он какое-то время служил в армии Колчака, позже дезертировал, вступил в Красную армию и до 1922 г. служил на польской границе. Оба были расстреляны по приговору новосибирской «тройки» НКВД.

Аресты и ссылки не позволили Иоффе и Квачевской получить высшее образование. Только в 1940-е гг. Александра Владимировна смогла заочно закончить Новосибирский пединститут. Долгие годы она проработала учительницей в одной из школ города Рославля Смоленской области, куда семья переехала в 1948 г.

Борис Лазаревич всю жизнь занимался самообразованием. Его интерес во многом был связан с историей революционного движения, социал-демократическими учениями. В 1920–1930 гг. он стал собирать библиотеку, в которой к 1980 г. насчитывалось несколько сотен книг, среди них издания 1920-х гг.: полное собрание сочинений Плеханова, книги Каутского, Меринга, Бебеля и других видных деятелей социал-демократии. В 1930-х гг. многие из этих авторов были запрещены, и их книги сейчас являются библиографической редкостью. Книжки по философии и истории. Иоффе сохранял верность социал-демократическим идеям всю свою жизнь. В 1990 г. его дочь Инна Борисовна передала библиотеку в Рославльский историко-художественный музей.

Орион, избежавший казни

После войны беда вошла и в дом Иоффе-Квачевских. В 1948 г., находясь в армии, был арестован Орион Александрович Квачевский (сын от первого брака А.В.Квачевской). По свидетельству доктора биологических наук А.Студитского, он «был приговорен к лишению свободы, в частности, за то, что высказывал взгляды, негодные Т.Д.Лысенко». Согласно приговору, Орион был осужден «за сочувствие взглядам югославского маршала И.Тито». Это были довольно серьезные обвинения. Смертная казнь в тот период была отменена, и Квачевский получил 25 лет лагерей. Срок он отбывал в Красноярском крае, работая в основном на лесоповале.

Сохранились три письма Ориона из лагеря сестре Инне. Они относятся к последнему периоду его пребывания в заключении и датированы 1954–1955 гг. В этот время уже набирал обороты процесс реабилитации и освобождения политзаключенных. В письме от 20 марта 1954 г. он пишет: «У нас очень многие уходят домой, но мое возвращение, поскольку (далее слово вымарано цензурой. — С.А.), жаловаться приговор мне претит, зависит от местной администрации, а с ней у меня отношения неважные. Поэтому и перспектив нет». В другом письме, написанном в канун 1956 г., сказано: «Перспектив никаких нет... неопределенность моего положения так и не кончилась». Но 1956 г. принес Ориону Александровичу освобождение: в том же году он был реабилитирован. Вскоре Орион Александрович уехал в Ленинград, где закончил горный институт, стал геологом и работал в одном из НИИ.

Старшие Квачевские все это время жили в городе Рославле. Борис Лазаревич в 1940-е гг. работал в главке мясной и молочной промышленности, и его перевели на рославльский мясокомбинат. Но и здесь не оставили в покое бывшего ссыльного всевидящие и всеслышающие органы МГБ. В 1952 г. он был уволен «за систематическое не-

выполнение трудящимся без уважительных причин возложенных обязанностей». Причиной стали пропуск, якобы хранившиеся не в сейфе, а в ящике стола. Иоффе не согласился с увольнением и обратился в Московскую прокуратуру. Вскоре он был восстановлен на работе, и ему выплатили частичную компенсацию за незаконное увольнение. Но Борис Лазаревич уже не мог работать на старом месте и ушел по собственному желанию. По прошествии времени стало известно, что причиной увольнения стало негласное указание отдела кадров главка.

В те же годы, как стало впоследствии известно, местные органы МГБ «разрабатывали Квачевскую для ареста». Только смерть Сталина позволила ей избежать его.

После 1956 г. наступила оттепель. Из лагерей вернулись миллионы заключенных. В это же время начинает набирать силу новое диссидентское движение. Молодые люди и часть бывших политзаключенных повели борьбу за обновление того социализма, который построили при Сталине.

В 1965–1968 гг. в стране прошел ряд показательных процессов, которые должны были убедить всех трудящихся, что только кучка отщепенцев может выступать против тех завоеваний, которые гарантирует самое передовое государство рабочих и крестьян. Процесс Синявского и Даниэля, Иосифа Бродского, Александра Гинзбурга и Юрия Галанскова, разгон демонстрации на Красной площади по поводу вторжения в Чехословакию подвели черту под прежним, более либеральным периодом нашей истории. После некоторого отступления от сталинско-догматического курса власти повели борьбу с диссидентами, которых тут же окрестили клеветниками советской власти.

Вынужденный эмигрант Лев

Лев Борисович Квачевский в 1960-е гг. работал старшим инженером Специального проектно-конструкторского бюро химической промышленности в Ленинграде. В августе 1968 г. он был арестован и признан виновным в том, что «с апреля 1964 г. до августа 1968 г. в целях подрыва советской власти занимался антисоветской деятельностью, высказывал антисоветские

суждения, организовывал размножение, хранение и распространение среди широкого круга лиц антисоветских документов, участвовал в размножении изданных на Западе книг, в которых содержались клеветнические измышления, порочащие советский строй, политику КПСС и советского правительства». 17 декабря 1968 г. Ленинградский городской суд приговорил Квачевского к 4 годам лишения свободы. Срок он отбывал во Владимирской тюрьме и в Дубровлаге в Мордовской АССР. В 1960-е гг. это были два места, где содержались политзаключенные. Освободившись в 1972 г., Квачевский был лишен права проживать в Ленинграде и Москве и поселился в городе Луга Ленинградской области. В соседней комнате с ним, по словам его сестры Инны, поселили стукача со специальной аппаратурой, чтобы он мог знать, когда его сосед слушает «вражеские голоса». Устроиться на работу он не смог и в 1975 г. был вынужден эмигрировать в Австрию. Он и сейчас живет в Вене и возвращаться в Россию не собирается.

У советских карательных органов был широкий спектр воздействия на неблагонадежных лиц. Прежде всего это были меры административного принуждения. И они не обошли семью Квачевских. В 1968 г. младшую сестру Льва Борисовича Джемму после его ареста исключили с четвертого курса Ленинградского медицинского института с довольно расплывчатой формулировкой: «за действия, не

совместимые со званием советской студентки». Джемма устроилась работать фельдшером в Рославльском районе. Все ее попытки поступить в вуз были безуспешны. О Джемме Борисовне в своих воспоминаниях писал А.Д.Сахаров: «Джемма Квачевская отказалась сотрудничать со следствием и давать показания на брата... это помешало ей получить высшее образование». В 1970 г. она вышла замуж за сына политзаключенного Павла Бабича и сама примкнула к диссидентскому движению. В 1977 г. Джемма Борисовна вошла в Рабочую комиссию по расследованию использования психиатрии в политических целях. РК собирала и предавала гласности сведения о психиатрических репрессиях. Деятельность комиссии завершилась в 1981 г. после ареста ее участников. Джемма Борисовна эмигрировала в США.

Диссидентка Инна

С органами КГБ познакомилась и Инна Борисовна, сестра Льва и Джеммы. В конце 1960–1970-х гг. она общалась со многими деятелями диссидентского движения. В 1974 г. Инна Борисовна по протекции Юрия Шихановича побывала на знаменитой «среде» в московской квартире семьи правозащитников Григория и Маши Подъяпольских, друзей ее брата Льва.

«Среды» проходили два раза в месяц по вечерам. На них обсуждались всяческие злободнев-

ные вопросы, в том числе выпуск «Хроники текущих событий». Здесь Инна Борисовна познакомилась с А.Д.Сахаровым. Квартира была на «прослушке». Об этом Инне Борисовне сказал Шиханович и посоветовал «что-то срочное писать на бумаге, а лучше говорить на улице».

Живя в то время в Ульяновске, Инна Борисовна встречалась с диссидентами от случая к случаю и не являлась членом этого движения, но, по ее словам, «знакомством с некоторыми из них, каким-то приобщением к их делу буду гордиться всегда».

Такие встречи не прошли для нее бесследно. Во время поездки в Москву ей подарили самиздатский «Архипелаг ГУЛАГ» А.Солженицына, о чем стало известно органам. Через два дня после возвращения из Москвы к ней с визитом пришел человек и попросил проехать «куда положено». По словам Инны Борисовны, компромат — книга и фотография ее автора — лежал на письменном столе. Допрос продолжался несколько часов. Интересовались в основном, где эта книга была приобретена и кому она давала ее читать. Не добившись ничего существенного, Инну Борисовну отпустили. При прощании полковник, который вел допрос, пожалел, что «сейчас не тридцать седьмой год». Ее не арестовали, но допрос имел последствия. Квачевскую уволили с работы, а вскоре она была вы-

нуждена уехать из Ульяновска в Таганрог.

И здесь КГБ не оставил Инну Борисовну в покое. Возникли трудности при приеме на работу, тем более что в Таганроге многие предприятия были секретными. Она устроилась товароведом в букинистический магазин. Саму Инну Борисовну в КГБ не вызывали, но вызвали ее соседа, который оказался порядочным человеком и рассказал ей о своем визите.

Александра Владимировна и Борис Лазаревич и в 1970-е гг. остались верны своим взглядам. В это время они заочно через своих детей знакомятся с Сахаровым и его женой Еленой Боннэр, с Петром Григоренко. И долгие годы находились с ними в переписке. В 1976 г., после освобождения из психбольницы, Григоренко приехал в Рославль и несколько дней гостил у Квачевских. Борис Лазаревич Иоффе умер в 1983 г.

В 1992 г. была реабилитирована А.В.Квачевская. По ее заявлению тогда же были реабилитированы все, проходившие по ее делу. Несмотря на преклонный возраст, в 1990-х гг. она пишет воспоминания о своей жизни, которые публикуются в газете «Рославльская Правда» и в сборниках Мемориала «Катынь». Всего ею было написано 13 тетрадей воспоминаний. Они охватывают период с 1907 г. до середины 1930-х гг. Умерла Александра Владимировна в 1999 г. в возрасте 96 лет. В том же году

в журнале «Звезда» (№ 9) были опубликованы воспоминания Лидии Чуковской и статья Розова о репрессиях в Институте истории искусств, где говорится и о Квачевской.

Инна Борисовна в 1990-х гг. переехала в Рославль. По ее инициативе в городе было создано отделение Ассоциации жертв политических репрессий. Довольно часто она выступает перед молодежью с рассказами о политических репрессиях в СССР. Значительную часть материалов семейного архива она передала в Рославльский музей и в Мемориал «Катынь». Инна Борисовна была одним из инициаторов установления на здании городской тюрьмы, месте расстрелов в 1937–1938 гг., памятной доски, посвященной памяти жертв политических репрессий. Каждый год у здания тюрьмы 30 октября проводятся митинги, организатором которых опять же является Инна Борисовна. Долгие годы она состояла в переписке с Еленой Боннэр.

Такова судьба этой семьи, в которой отразилась вся история политических репрессий в нашей стране.

Сергей АЛЕКСАНДРОВ,
научный сотрудник
Мемориала «Катынь»

На снимке: Александра Владимировна Квачевская и Борис Лазаревич Иоффе. Рославль. 1981.

Фото из Архива Мемориала «Катынь»

ГОЛОС ТЕРМЕНА

26 декабря в Музее ГУЛАГа в Москве в рамках проекта «Живая среда» состоялся не совсем обычный концерт — ведущий российский исполнитель на терменвоксе Олеся Ростовская представила авторскую программу, в ходе которой рассказывала об этом удивительном музыкальном инструменте и ее создателе Льве Термене и исполнила несколько произведений.

Место для концерта и лекции было выбрано не случайно: жизнь изобретателя терменвокса оказалась плотно связанной с лагерями и системой НКВД. Лев Сергеевич Термен родился в 1896 г. в дворянской семье, получил музыкальное и инженерное образование и в 1920 г. изобрел инструмент, сделавший его знаменитым на весь мир.

услышал Одиссей» и пьесы других композиторов — классические и написанные специально для терменвокса.

У терменвокса много ценителей во всем мире, но все же популярность его не так велика, как это ожидалось в начале века, в эпоху электрификации и увлечения техническими новинками. «Когда в 1920 г. Лев Сергеевич Термен пришел к Ленину и показал ему свой инструмент, тот был так впечатлен, что взял с изобретателя обещание вступить в коммунистическую партию, — рассказывает Олеся Ростовская, — и дал ему проездной на все виды транспорта». При этом Владимир Ильич под руководством (в буквальном смысле этого слова, поскольку Термен водил его руками) изобретателя сыграл «Жаворонка» Михаила Глинки и даже сумел правильно воспроизвести последние ноты.

Взяв проездной, Термен сначала исколесил с концертами всю Россию, а затем занялся пропагандой новой музыки в Европе и Америке. В нью-йоркской студии Льва Термена бывали Джордж Гершвин, Чарли Чаплин, Альберт Эйнштейн, которые пробовали себя в качестве исполнителей на терменвоксе. Лев Сергеевич давал многочисленные концерты с лучшими оркестрами.

Его биографы пишут, что попутно он занимался шпионажем, а когда в 1938 г. вернулся в Россию, то был посажен по обвинению в подготовке покушения на Кирова (по другой версии — в принадлежности к фашистской организации) на 8 лет. Год он провел на Колыме.

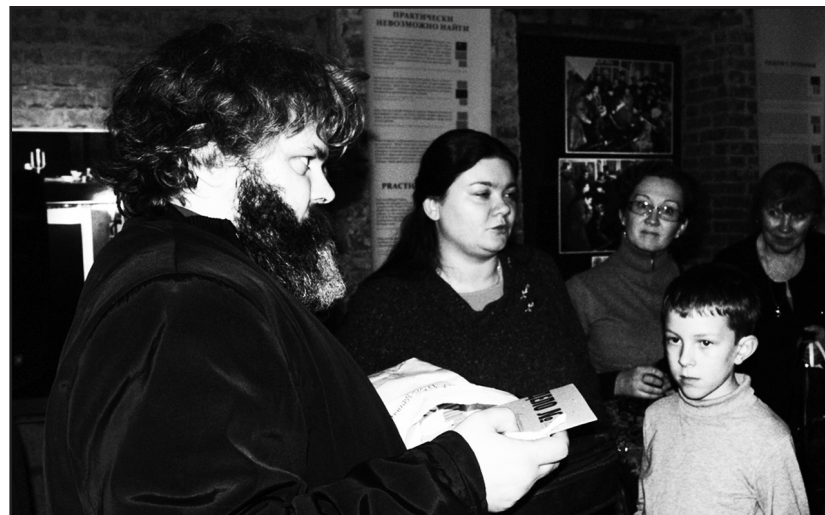
По словам Олеся Ростовской, благодаря изобретенной Терменом монорельсовой тачке строительная бригада, в которой он работал,

перевыполнила норму и получила лишнюю пайку, а сам он выжил в нечеловеческих условиях лагеря и затем был переведен в «шарашку» на Язуе, где провел много лет и сделал несколько выдающихся изобретений.

За одно из них — подслушивающее устройство «Буря» — он получил Сталинскую премию. «Буря» считывал вибрации оконного стекла, вызванные разговорами внутри комнаты на объектах, где невозможно было поставить обычные микрофоны, например в помещениях иностранных посольств.

Это был единственный в истории случай, когда Сталинскую премию получил политзаключенный. Любопытно, что позднее сотрудники госбезопасности пользовались техникой и услугами Термена для прослушивания квартиры самого Сталина. «В его рабочем столе и в различных частях его квартиры госбезопасностью были установлены специальные микрофоны. Довольно часто мне приходилось прослушивать записанные с помощью этих микрофонов пленки, а затем убирать с них посторонние помехи и шумы. Так что я Сталина себе прекрасно представляю. И ругают его сегодня, считают, напрасно», — заявил Термен в 1992 г. в интервью газете «Совершенно секретно». (yablor.ru/blogs/mehanik-lev-termen-ya-podslushival-kreml/623629)

Среди других изобретений Льва Термена — «дальновидение» (одна из первых телевизионных систем), радиоуправляемые летательные аппараты (которые он разрабатывал вместе с Сергеем Королевым), охранные устройства, системы сигнализации. Кстати, в сигнализациях использовался тот же принцип, что и в терменвоксе: они издавали

звуки при приближении человека к антенне, соединенной с генератором электромагнитного поля. По словам Олеся Ростовской, Ленин сразу же оценил потенциал этого изобретения и намеревался использовать его для охраны концлагерей. Остановило его только то, что в «местах не столь отдаленных» не было электричества.

Рассказывая о личности и судьбе Льва Термена, Олеся Ростовская заметила, что он, как ни странно, прекрасно прижился в «шарашке», а вот на свободе чувствовал себя неуютно и нигде не мог реализовать свой удивительный дар изобретателя. Очевидно, дело в том, что его ничего не интересовало, кроме процесса изобретения нового. «Человек над добром и злом», «для него не существовало понятия невозможного» — так охарактеризовала его Ростовская, подчеркнув, что он вовсе не был злодеем и не предполагал использовать свои изобретения в гнусных целях.

Лев Термен прожил долгую и удивительную жизнь. Незадолго

до смерти он посетил Францию и США, где, кстати, зная его люди были уверены, что он погиб еще в 1938 г.

В марте 1991 г., когда ему было 95 лет, он выполнил обещание, данное Ленину, и вступил в КПСС — дальше откладывать было рискованно, партия разваливалась на глазах.

Лев Сергеевич Термен умер в 1993 г. и похоронен на Кунцевском кладбище в Москве.

Завершая свой рассказ о создателе терменвокса, Олеся Ростов-

ская исполнила пьесу композитора Владимира Комарова «Голос Термена», в которой действительно звучит запись голоса изобретателя.

В заключение встречи Олеся Ростовская представила недавно вышедший диск с аудиоспектаклем Марии Величкиной «Дело № 1937» по роману Николая Нарокова «Мнимые величия», где рассказывается о нескольких месяцах из жизни начальника НКВД крупного областного города СССР в 1937 г., и исполнила главную тему из этой работы, в которой она приняла участие в качестве композитора.

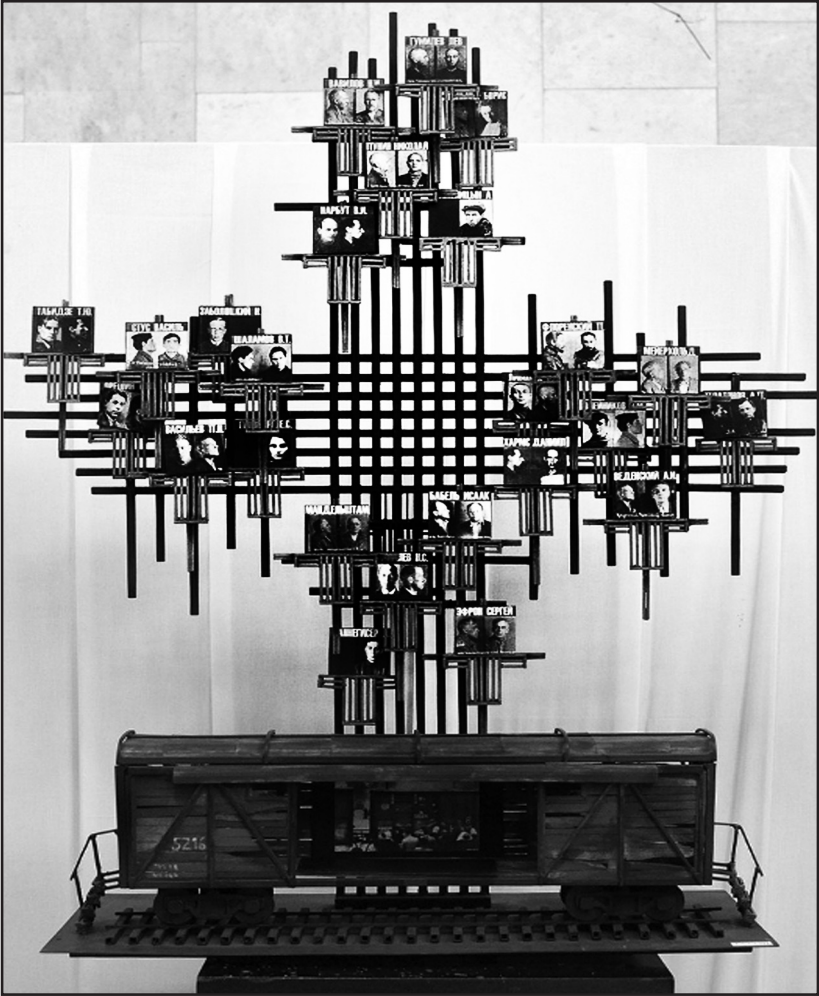
Наталья КРАЙНОВА,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: Лев Термен (фото из архива Музея ГУЛАГа), Олеся Ростовская (в центре) и посетители мероприятия (фото автора)

РЕГИОНЫ

СТРАСТИ ПО КРЕСТУ

В тихой Вятке горожане обсуждают решение областных властей установить в Кирове памятник жертвам Вятлага. По другой версии, это будет мемориал «Узникам Вятлага». Какая версия каноническая, понять невозможно. Автор проекта — Борис Мессерер. По его замыслу, это будет конструкция из металлических решеток, образующих крест. В основной композиции — вагон-теплушка. Высота сооружения — 25 метров. Для Вятки это более чем грандиозно.

Я не проводил специальный опрос общественного мнения, просто разговаривал со своими знакомыми (это в основном те люди, которых принято называть либеральной интеллигенцией), и ни один из них не сказал, что проект ему понравился. Напротив, все считают его крайне неудачным. Посмотрел комментарий в Интернете — тоже полнейшее неприятие. В одной из социальных сетей даже создана группа «Спасем Киров от архитектурного ужаса» с участием более 200 человек. Впрочем, не сомневаюсь, что власти, если захотят, найдут легион граждан, которые все их начинания априори «горячо поддерживают и одобряют».

Мои собеседники говорят, что такой памятник гораздо больше

подошел бы для какого-нибудь завода железобетонных изделий, но при чем тут Вятлаг?! Есть и другие вопросы. Почему памятник хотят установить в Кирове, за сотни километров от территории Вятлага? Кстати, эта территория находилась не только (и не столько) в Кировской области, но и в тогдашней Коми АССР. Помню, еще школьником обратил внимание на то, что на карте Коми есть несколько анклавов с надписью «Верхнекамский район Кировской области». Позднее, лет через десять, когда я приехал в командировку в Верхнекамский район, местные жители объяснили, что эти вкрапления на карте — подразделения Вятлага (более позднее название — учреждение К-231). Человек, бывав-

ший в тех местах, сказал, что самая дальняя точка Вятлага на территории Коми находилась от его центра, поселка Лесного, на расстоянии 243 километров. Это сопоставимо с расстоянием до Кирова. Подчинялся Вятлаг напрямую Москве, поэтому Киров, что называется, никаким боком к Вятлагу не относился. Так почему памятник жертвам Вятлага хотят установить здесь? Явная несурица.

Еще один вопрос. Если памятник будет в областном центре, то почему только жертвам Вятлага? В Вятской губернии, а затем и в Кировской области было и есть немало учреждений такого рода. Если ставить памятник в центре ссыльно-каторжной Вятской губернии, то это должен быть памятник всем погибшим в кировских лагерях и тюрьмах, а не только жертвам Вятлага — так будет логичнее. К тому же памятник жертвам политических репрессий в Вятке уже есть. Это камень, открытый в июне 2008 г. на набережной Грина, с надписью «Жертвам политических репрессий». Место установки на высоком берегу реки Вятки не случайно — неподалеку от тюрьмы, построенной еще в царские времена. Своим гостям мы показываем именно этот камень, а заодно и тюрьму. Тоже памятник истории, хотя и очень мрачный.

И еще вопросы. Почему памятник в виде креста? В Вятлаге погибли не только христиане, но и люди, исповедовавшие другие религии, и неверующие. Почему на памятнике размещены портреты? Люди, изображенные на них, известные и почитаемые, но ни один из них в Вятлаге не был. По этой детали нетрудно понять: проект памятника разрабатывался явно не для Вятлага. В СМИ появилась информация, что эти портреты заменят фотографиями других людей — известных заключенных Вятлага. Например, информационный портал 43region.com приводит слова А.Галицких, заместителя председателя правительства Кировской области: «Если когда-нибудь этот памятник будет поставлен, то, конечно, там будут другие имена». Эти имена организаторы установки памятника намерены срочным образом отыскать. Получается, что узников будут делить на знаменитых и всех прочих? Странная затея. Это же памятник ВСЕМ жертвам Вятлага и подчеркивание особой значимости тех или иных персонажей явно неуместно: перед Богом все равны.

Есть и такой вопрос: сколько будет стоить это сооружение? Вопрос не праздный, и это не тот случай, когда считают деньги в чужом кар-

мане. Бюджетный «карман» наполняется за счет налогоплательщиков, а они, судя по развернувшейся в соцсетях дискуссии, в основном не в восторге от того, как власти намерены распорядиться их деньгами. Однако властям, похоже, мнение налогоплательщиков совершенно не интересно. Так уж повелось на Руси: если у властителей возникает посыл построить нечто монументальное и потом с помпой это нечто открыть, то казенные деньги легко находятся; если же нужно помочь нуждающимся, то денег, конечно же, нет. Ходят тут всякие со своими просьбами, отвлекают от эпохальных проектов...

Пример на эту тему привел председатель Вятской организации жертв незаконных политических репрессий Мансур Магдеев. «Правительство Кировской области не находит даже небольшие средства на восстановление льгот для жертв политических репрессий, которых осталось в живых менее тысячи человек», — говорит Мансур Хасанович. — Выплата льгот жертвам политических репрессий возложена законом на региональные власти. В нарушение требований части 2 статьи 153 Федерального Закона № 122 от 22.08.2004 г. предыдущее правительство области совместно с Законодательным собранием с 1 января 2005 г. лишило репрессированных прав на ряд льгот. Многочисленные обращения нашей организации к правительству и Заксобранию области о восстановлении прав на отнятые льготы, в том числе на бесплатный проезд на транспорте в пределах административного центра проживания и на пригородных маршрутах, фактически игнорируются — остаются без рассмотрения. Для декоративности иногда собираются совещания якобы для рассмотрения наших обращений. Результат подобных совещаний — несколько дежурных, не соответствующих действительности выступлений чиновников, даже без рассмотрения проработанных предложений со стороны репрессированных.

И пожалуй, самое главное: даже если в Кирове будет установлен памятник жертвам Вятлага, памятника в самом Вятлаге он не заменит. Расстояние от Лесного до Кирова — 378 километров. Люди, чьи родственники или соотечественники погибли в Вятлаге, хотят побывать именно там, и нужно, чтобы в поселке Лесном Кировской области был памятный знак, к которому можно было бы прийти, поклониться, возложить цветы, насыпать землю, привезенную с родины. Примечательно, что, не дождавшись строительства

памятника от российских властей, инициативные иностранцы сами берутся за такое строительство. Еще в середине 1990-х гг. группа латышей установила в Лесном, на окраине кладбища, высокий деревянный крест. В июне 2011 г. в Лесной приезжали родственники депортированных граждан Латвии. У этого креста они провели траурную церемонию и богослужение, а затем на месте захоронения своих соотечественников в бывшем поселке Ягодном установили еще один крест — металлический. Говорят, что памятный знак установили и приезжавшие бельгийцами. Вполне возможно, что на обширной территории Вятлага есть и другие «локальные» памятники. Но нужен и общий.

Думаю, для Вятского «Мемориала» в этой истории с памятником есть положительный момент. В силу молодости нашей организации (зарегистрирована полтора года назад) у нас просто не доходило руки до того, чтобы заняться установкой памятного знака в Вятлаге. А теперь стало ясно: этим заняться нужно. Уверен, что можно обойтись без больших финансовых затрат. Дело же не в помпезности памятника, а в том, какие чувства он вызывает. В Финляндии я видел памятник, если правильно понял, защитником линии Маннергейма (финским языком не владею, но фамилия Маннергейма говорит сама за себя). Все просто и лаконично: камень, мемориальная доска, миниатюрные елочки, а впечатляет гораздо сильнее громоздких конструкций. На мой взгляд, примерно таким может быть и памятник жертвам Вятлага.

Двух одинаковых камней в природе не бывает. Это должен быть памятник именно политическим заключенным, без уголовников, и это должно быть четко выражено. У памятника Мессерера такого отделения зерен от плевел нет, а оно необходимо.

Как собрать средства, это еще предстоит обдумать. Одно знаю точно: к властям за поддержкой мы обращаться не будем. Они к тому времени успешно потратят бюджетные на свой памятник и посему установкой памятника жертвам Вятлага перестанут считать актуальной.

Михаил КОПТЕВ,
председатель историко-просветительского общества
Вятский «Мемориал»

На снимке: Эскиз дискуссионного проекта памятника жертвам Вятлага
Бориса Мессерера
Фото из архива Кировского «Мемориала»

ИСТОРИЯ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Основами гражданского воспитания Пермский молодежный «Мемориал» считает независимую деятельность по защите прав человека и способности человека делать самостоятельные выводы из прошлого страны, — такую задачу ставят перед собой участники движения. Для ее решения они задумывают и воплощают просветительские и образовательные проекты.

Так, 31 января 2013 г. прошел семинар для учителей истории, посвященный использованию современных интернет-ресурсов для проведения уроков истории. Целью семинара было предоставление учителям методических материалов по преподаванию истории сталинской эпохи в современных условиях.

Курсы по преподаванию истории сталинской эпохи создавались и раньше. Так, например, был «создан раздел на прежнем сайте old.rmet.ru, в котором публиковались различные материалы в помощь учителю (например, сборник материалов «Урок памяти»)). Главным их минусом было то, что курсы не успевали за нововведениями, которые проводятся в системе образования.

«Пособия, которые мы предлагали прежде, предполагали серьезную подготовку к уроку: нужно было войти в тему, прочитать большое количество документов. Педагогу проще было провести урок по учебнику. В нынешнем пособии нам хотелось, чтобы учитель дышал воздухом «мемориального» человека», — прокомментировал Роберт Латыпов, со-

председатель Молодежного «Мемориала».

Продукт, который предложили педагогам, соответствует их личной мотивации и является максимально прикладным. В новом мультимедийном пособии «История сталинской эпохи» представлены методические разработки к урокам и презентации к ним, темы дискуссий и рекомендации для их проведения, документы центральных и пермских архивов, воспоминания, статьи исследователей. Один из разделов включает специально разработанные материалы для подготовки к сдаче ЕГЭ по истории (работа с источником и анализ исторических версий и оценок).

Так, серия презентаций и методических разработок позволяет провести интересные, наглядные

и развивающие уроки на отдельные темы. Например, начиная урок, учитель, после объявления темы урока, может предложить учащимся вспомнить крылатые фразы о возможности оказаться за решеткой по произволу правоохранительных органов. Вероятно, на память придут фразы вроде «был бы человек — дело найдется», «то, что Вы не сидите, — это не Ваша заслуга, это — наша недоработка» и т.п. Далее учитель ставит дискуссионный вопрос: «Любой ли человек мог стать жертвой Большого террора?»

В разделах заданий для работы учащихся находятся темы для дискуссий, связанных с анализом визуальных образов. Например: учащиеся получают для ознакомления выдержки из протоколов допросов следователей-фальсификаторов, де-

монстрирующие способы фабрикации обвинений. Учащимся предлагается назвать эти способы. Одновременно на экран выводится слайд — копия подлинной страницы приговора по одному из дел следователей-фальсификаторов.

Другой вариант дискуссии проводится в форме дебатов. Например: учитель ставит проблемный вопрос: «Был ли Большой террор необходим для функционирования тоталитарной системы?» Имеет смысл актуализировать причины Большого террора, поставив ряд дискуссионных вопросов: если Большой террор был нужен для укрепления единоличной власти Сталина, то что же угрожало ему в 1937 г.? Была ли в это время какая-либо оппозиция? Если Большой террор действительно был нужен для ликвидации «врагов народа», чем доказано, что они были?

Документы, которые предназначены для анализа, отобраны в пермских и московских архивах и интересны как сами по себе, так в качестве иллюстрации при изучении соответствующей темы. Географической привязки пособие

не имеет. Учителя могут сами выбирать наиболее интересные задания, использовать их полностью или частично.

Педагоги, собравшиеся на презентацию курса, проанализировали пособие и дали ему положительную оценку. «Мы уже получили некоторые рекомендации от учителей — что добавить и что изменить в сборнике. Так, например, уже сейчас стало понятно по поступившим замечаниям, что не хватает глоссария. Будем изменять, дополнять и публиковать с этими изменениями. Этот процесс будет продолжаться до того момента, пока не начнет устаревать методология курса, то есть он не будет соответствовать интересам учителя и образовательного учреждения. Тогда надо будет создавать новое издание», — озвучил дальнейшие планы Роберт Латыпов.

Елена ХРУСТАЛЕВА,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

➤ Окончание. Начало на с. 1

В 1930 г. была раскулачена семья моего прадеда Харитона Яковлевича Достовалова, проживавшая на Алтае. Чтобы взять в руки папку с материалами дела о раскулачивании, мне пришлось пройти два судебных процесса. Дело небольшое — всего-то 11 листов, но здесь, как принято говорить, «уникальные документы эпохи». Эпохи, когда обычный крестьянин легко мог стать «классово чуждым элементом» и потерять все.

В нашей стране, чтобы получить доступ к материалам о политических репрессиях в отношении своих родственников, нужно иметь на руках справку о реабилитации или судебное решение. Чтобы получить эту справку или решение, надо доказать органу внутренних дел или суду факт репрессии. Для этого нужны документы или свидетели. Если нет ни того, ни другого, — то архивные материалы. А для доступа к архивным материалам необходимо иметь на руках справку о реабилитации или судебное решение... Залочкованный круг!

Итак, дело начато 28 апреля и окончено 7 мая 1930 г. (это по надписи на обложке. Реально же там есть и документы, датированные 1931 г.) Такие дела хранятся в особом фонде, секретность которого свято оберегается сотрудниками алтайского Госархива. Согласно штампу на обложке, название этого фонда — «Октябрьская революция». В деле всего 11 листов. Плюс самый первый — лист использования документов. Судя по его «стерильности», я оказался первым, кто с 1930-х гг. официально (как «человек с улицы») ознакомился с этим делом.

Первый документ — карточка обследования хозяйства гражданина Достовалова Харитона Яковлевича Кучукского сельского совета Павловского района Барнаульского округа. В составе семьи, кроме ее 36-летнего главы, значатся еще трудоспособная жена 37 лет «Марияна Федорова», 67-летняя мать Ермакова «Лампиана Филиповна», 4-летний сын Федор (это мой дед) и полуторагодовалая дочь Анна. Кроме того, указано, что, помимо членов семьи, в их хозяйстве работал еще и батрак Кузьма Патрушев («2 месяца по цене 7 руб. в месяц согласно договора»). Из этой же карточки следует, что никаких исправных сельхозмашин у Достоваловых не было, а соответственно, и на стороне они не работали. Зато сам Харитон Яковлевич на пару с односельчанином 45 дней занимался выделкой овчин («в количестве 35 штук по черному, валовая сумма — 52,50. 35 штук по белому, валовая сумма — 21»). Есть здесь сведения и о сельском хозяйстве семьи: «в 29–30 г. посеяно десятин пшеницы — 4,60, овес — 1,20, бахчи — 0,45, огороды — 0,05, прочие — 0,55, всего посева — 6,85. Сенокосы заливные — 2,0. Рабочий скот: лошадей до 4 лет — 2, лошадей с 4 л. и старше — 2. Коров после первого отела — 3, молодой не обог. возрастом — 2. Овец и коз перезим. — 2. Облагаем свиней — 1». Под резолюцией, гласящей, что данное хозяйство имеет кластарное производство с «эксплуатацией» наемного труда и подлежит индивидуальному обложению, подпись председателя сельской учетной комиссии и нескольких ее членов.

С этой точкой зрения согласились и подписавшие ниже председатель Кучукского сельсовета и председатель районной налоговой комиссии.

К делу приложена справка Кучукской молочной артели, свидетельствующая, что Харитон Достовалов с мая 1928 г. по май 1929 г. сдал на завод 1027,5 литров молока на сумму 58 рублей 19 копеек.

Документ № 3 — «налоговая декларация» того времени. В части,

составленной по показаниям плательщика, значится, что овчинник Достовалов за 45 дней работы по выделке шкур заработал 73 рубля 50 копеек. А вот по заключению сельской учетной комиссии сумма валового дохода Харитона Яковлевича составила 130 рублей. Районная налоговая комиссия, рассмотрев материалы по исчислению доходности, и вовсе постановила, что Достовалов за 45 дней успел заработать 170 рублей. Вот так — легко и просто — устанавливался в 1930 г. размер налогооблагаемой базы крестьянина-овчинника. Сельская учетная комиссия сослалась хотя бы на мнение других овчинников (конкурентов?), а вот расчет районной налоговой комиссии так и остал-

ма Кучукского сельсовета (который постановил снять с Харитона Достовалова индивидуальное обложение и восстановить его в избирательных правах), общего партийного собрания (на котором вспомнили, что Достовалов бывший партизан и его гражданских прав лишать не стоило). Последнее, кстати, весьма важно, потому что в соответствии с пунктом 4 постановления Сибкрайисполкома от 12 февраля 1930 г. в отношении конфискации имущества хозяйств, члены которых участвовали в революционном (и) партизанском движении, должна быть проявлена особая осторожность. Подшито к делу и решение заседания группы бедноты актива села Кучукского, которое тоже

теги культа). При этом хозяйство должно было не только подпадать под один из признаков, но и иметь размер дохода, облагаемого единым сельхозналогом, больше 300 рублей на едока. Таким образом, хозяйство Достоваловых формально под эти признаки никак не попадало.

Тем не менее, в последнем документе дела значится, что Харитон Достовалов был не только полностью раскулачен, но и осужден.

Дело спецпоселенца Харитона Яковлевича Достовалова хранится в Информационном центре УВД по Томской области. На обложке имеется штамп: «Пересмотрено в соответствии с приказом МВД СССР № 0026 — 1955 года. АРХИВНЫЙ № 27617», а так-

мера наказания была изменена. Харитон Яковлевич был выслан на Север и направлен в Томский распределитель Сиблага.

Видимо, Достовалов имел непокорный нрав, потому что 1 августа 1932 г. сбежал снова (уже из распределителя в Томске). До этого он, судя по приложенным справкам, успел поработать в пожарной команде и в хозяйстве поселка Межениновка (под Томском). На это дело спецпоселенца Достовалова заканчивается. Как следует из официального ответа ИЦ УВД по Томской области, после данных о побеге из Томской комендатуры в 1932 г. о Достовалове больше нет никаких сведений. Очевидно, побег и есть причина того, что он не был реабилитирован в последующем.

Для реабилитации раскулаченной семьи Достоваловых я обратился в ИЦ ГУВД по Алтайскому краю. Опустив все рассказы о судебных тяжбах и многочисленных запросах, могу сказать, что в конечном результате добиться полной реабилитации все же удалось.

А теперь вернемся к судьбе Достовалова и его семьи. Точно неизвестно, где жил и чем занимался Харитон Яковлевич в несколько последующих лет после побега. Документально подтверждено, что в 1932 г. он сбежал из лагеря в Томске, а следующий документ с упоминанием семьи (жена, дети, но без указания главы семьи) относится к 1943 г. Как-то он оказался в Туганском (ныне Асиновском) районе Томской области. Семья перебралась к нему, но с женой они были «в разводе», несколько раз переезжали в разные деревни в пределах этого района. Жили очень бедно: со слов моего деда известно, что какие-то люди приютили их в своей бане. Потом семье удалось завести корову, с которой они пережили всю войну.

У Харитона и Марии до взрослого возраста дожили трое: мой дед Федор, сестры Анна и Екатерина. Федор Харитонович в 1943 г. был призван в армию, служил в Чехословакии и Австрии до 1947 г., потом сверхсрочно на родине, затем работал на железной дороге: был кочегаром, помощником машиниста паровоза, бригадиром дистанции пути, на пенсии — пастухом в колхозе, а в 1979 г. трагически погиб. Дочери Анна и Екатерина после войны уехали учиться в Новосибирск, там и остались, завели семьи. Харитон помогал им. Продав корову, чтобы помочь деньгами для обустройства на новом месте. Обе сестры умерли в 2000-х гг., оставив детей и внуков. Сам прадед ненадолго пережил Сталина — в октябре 1953 г. умер от дизентерии. Похоронили его на кладбище в селе Вороно-Пашня. Мы ездили туда в 2009 г. Деревянный крест, конечно, не сохранился. Но мама помнила, кого хоронили по соседству с ее дедом, и мы наши его могилу.

Многие и по сей день считают, что до 1936–1938 гг., до «Большого террора», ничего особенного не было. Нет, было! Миллионы крестьян потеряли имущество, родных и близких, были изгнаны в необжитые места, умерли от голода, холода и непосильной работы. Но крестьяне не писали стихов и книг, не вели дневников, поэтому об их трагедиях известно гораздо меньше, чем о гонениях на русскую интеллигенцию.

Федор ШАБАНОВ,
Стрежевой
Томской области

На снимке: «Мой дед Федор с женой и тремя детьми, 1951 г. Ни одной фотографии Харитона Достовалова не сохранилось, поэтому будем считать, что сын на него похож». Фото из личного архива

БЫЛ КРЕСТЬЯНИН, СТАЛ КУЛАК

ся непонятен. Но увеличение налоговой базы в 2,3 раза против декларируемой в документах прописано четко.

Следующий документ — обрывок тетрадного листа — справка, подтверждающая, что Кузьма Патрушев действительно 2 месяца батрачил в хозяйстве Достоваловых. Правда, было это в самом начале 1928 г., но ведь для торжества справедливости это вовсе не важно, потому что Конституция Страны Советов в любом случае эксплуатацию чужого наемного труда категорически не одобряет...

Документ № 5. Самый удивительный, самый idiotский и самый страшный в своей простоте. «Справка. 1930 года июня 30 дня дано Кучукским с/с Кучукской С/учетной Комиссии в том, что Гр-н Достовалов Хор. является эскалототором чужого наемного труда. Эксплотировал Патрушева Кузьму 2 м. Что и удостоверяет пред. с/с (подпись неразборчива). Секретарь (подпись неразборчива)». Ниже слева резолюция комиссии — «Обложить индивидуально». Вот так просто! Напомню, батрак Кузьма Патрушев отработал 2 месяца на «эскалототора» Харитона Достовалова за 2 года до этого — в 1928 г.!

Видимо, не все было так просто с решением вопроса, кто в этой деревне кулак, а кто нет, потому что в деле появились выписки из протоколов заседания плену-

было принято в пользу односельчанина. Итак, пленум сельсовета, партсобрание, группа бедноты — три органа власти оправдали Харитона Яковлевича и восстановили его в правах. Торжество советской справедливости! Тут должен быть счастливый конец, но его не будет.

Следующий документ — анкета учета кулаков по Павловскому району Барнаульского округа, село Сибирка. Одним из пунктов в ней значится «Имущество экспроприровано полностью на сумму 307 р. 80 к.».

Правомерно ли это? Судя по постановлению СНК СССР от 21 мая 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде», основные признаки кулацкого хозяйства таковы: хозяйство систематически применяет наемный труд; в хозяйстве имеется мельница, маслобойня, крупорушка и т. п., и другие промышленные предприятия при условии применения в них механического двигателя; хозяйство систематически сдает в наем сложные сельскохозяйственные машины с механическими двигателями; хозяйство сдает в наем отдельные оборудованные помещения под жилье или предприятие; члены хозяйства занимаются торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или имеют другие нетрудовые доходы (в том числе служи-

же надпись красным карандашом «С/х 1970»). Это говорит о том, что к его изучению обращались как минимум дважды, но реабилитации не последовало.

Внутри еще одна обложка (более старая): «Черемошниковская комендатура». Поселок Черемошники — северный район Томска в настоящее время. Раньше там находился спецраспределитель. Для тысяч репрессированных это был перевалочный пункт для путешествия дальше на север.

Мотивировочная часть приговора начинается со слов «признан виновным» (роман «Факультет ненужных вещей» в чистом виде!). Решением Народного суда 16 апреля 1931 г. Харитон Достовалов лишен свободы сроком на 1 год и дополнительно подвергнут штрафу на 300 рублей, в обеспечение коего наложен арест на все имущество обвиняемого. Мерой пресечения избрано содержание под стражей.

Следует отметить, что и в оформлении описательной части есть ряд нарушений и срок обжалования приговора не указан. Но это ведь мелочи, если идет борьба с классовым врагом!

Итак, Достовалов в начале мая был направлен для отбытия наказания в Барнаул. Но попал ли он в колонию или бежал уже из нее? Следующий документ — августовская ориентировка на розыск! Очевидно, в том же августе он был пойман, потому что

